

Вич-положительная

Автор:

[Кэмрин Гарретт](#)

Вич-положительная

Кэмрин Гарретт

REBEL

Симона Гарсия-Хэмптон недавно перевелась в новую школу и уже успела обзавестись лучшими подругами, стать режиссером школьного мюзикла и влюбиться в спортсмена Майлза, которому она, кажется, тоже нравится. Единственное, чего она опасается, – что одноклассники узнают о ее ВИЧ-положительном статусе, ведь именно это вынудило ее покинуть старую школу. Поначалу на новом месте все идет просто отлично, но однажды Симона получает записку с угрозой: если она не перестанет общаться с Майлзом, о ее секрете узнают все...

Кэмрин Гарретт

ВИЧ-положительная

Camryn Garrett

Full Disclosure

Л. Рейер, перевод на русский язык, 2020

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2020

Text copyright © 2019 by Camryn Garrett

Cover photo © 2019 by Theodore Samuels

Cover design by Jennifer Heuer

* * *

Всем, кого коснулась проблема СПИДа.

И, конечно, моей маме

1

Как я его ни убеждала в обратном, отец твердо решил, что на мой первый прием к гинекологу он пойдет со мной. Для него это как обряд посвящения.

– Тетя Камила сходила бы со мной без проблем, – говорю я, выглядывая из окна машины. Мало того что на прием мы идем вместе, так еще и кабинет гинеколога находится слишком близко к больнице, где работает отец, а это значит, что нам непременно встретятся его пациенты. – Она такое любит. Мы бы нашли время между ее командировками.

– Ты чья дочь? Моя, – парирует он, паркуясь. – Родители только ради этого и живут.

– Что-то я сомневаюсь.

У отца черные волосы с проседью и загорелое лицо, а на носу такая впадинка, от очков. Когда он не в белом халате врача, он одевается как старпер: вязаные

безрукавки, брюки цвета хаки, вот это вот все. И самое забавное, что краснею я обычно не из-за его дурного вкуса в одежде. Мы заходим внутрь, и он вытаскивает блокнот с вопросами для врача. Я готова провалиться на месте. В тесной приемной пахнет дешевым освежителем воздуха, дышать нечем.

Он откладывает блокнот в сторону и смотрит в анкету.

- Когда у тебя были последние месячные?

- Пап!

- Что? Нормальный вопрос.

- Дай сюда... - Я беру у него анкету. - Сама все заполню.

- Я все время пациентам такие вопросы задаю, и никто не стесняется.

- Да, но я твоя дочь, а не пациент.

Я быстро отвечаю на вопросы анкеты, почти все правдиво. Он уже заполнил мою историю болезни - это обычно занимает больше всего времени, - поэтому я отношу бумаги обратно на стойку регистрации. Когда я возвращаюсь на место, отец снова смотрит в свой блокнот с вопросами.

- Симона, тебе совершенно не о чем волноваться, - говорит он, похлопывая меня по ноге. Его очки постоянно съезжают на нос. Будь он моим врачом, я бы не смогла воспринимать его всерьез. - На первом приеме многие женщины волнуются.

- А я не женщина. - Я нервно трясу ногой. - Мне типа двенадцать.

- Тебе семнадцать. Большинство девушек в первый раз идут к гинекологу в пятнадцать, но это больше формальность. Ты еще даже не...

- Сексуально активна. Знаю. Мы оба знаем, что секса у меня не было и нет.

На меня уставилась беременная женщина с огромным животом. Не знаю, что ее так задело. Ей еще повезет, если ее чадо вырастет таким, как я. Дожила вот до семнадцати, не умерла, наверняка родители не ожидали.

- Ну, - спрашивает он, - и почему же ты так настаивала на приеме у гинеколога?

Я закусываю губу. По идее, никакие обследования мне не нужны. Я ни с кем не встречаюсь. И мои шансы потерять девственность никаким чудом не выросли. Но доктор Хан, мой лечащий врач-инфекционист, порекомендовала мне сходить к гинекологу, если у меня будут вопросы. Ну и вот, они у меня есть.

Конечно, я не могу сказать отцу, что есть и другая часть правды - что я хочу больше узнать о сексе из-за одного обалденного парня в школе. Между нами ничего нет, но все равно. Могу же я надеяться, правда?

- Ничего плохого в этом нет, - продолжает он, отвлекая меня от моих мыслей. - Просто любопытно, с чего вдруг такой интерес.

- Э-э. Да вот... - мямлю я. - Мне тоже любопытно и немного нервно. Хочу задать вопросы, я же говорила. Просто мне кажется, что я ничего про это не знаю, и доктор Хан сказала, что мне стоит сходить и все спросить.

- Все спросишь, обещаю, - уверяет он. - Я с доктором Уокер тысячу раз говорил. Она отличный врач. Я подумал, что на приеме у женщины-гинеколога тебе будет спокойнее.

- Симона Гарсия-Хэмптон?

Медсестра кажется приятной; она хотя бы не начинает сразу болтать с отцом. Спасибо и на этом. Я встаю и на негнущихся ногах иду к двери. Положив руку мне на спину, отец направляет меня вслед за медсестрой.

- Давно мы с вами не виделись, доктор Гарсия, - улыбаясь, говорит она отцу, пока мы заходим в кабинет. Раз мне она ничего не говорит, я просто молча забираюсь на кушетку. - Как дела в Святой Марии?

- Отлично! - с улыбкой отвечает отец. - Как малыш Джейсон?

Не пронесло меня все же с болтовней. Похоже, все медики вокруг знают отца: видели его в больнице, или ходили к нему на прием, или он принимал роды.

– Растет с каждым днем, – отвечает она, просматривая мою медкарту. – Так, Симона. Сейчас придет доктор Уокер, она посмотрит твою грудь и еще кое-что проверит. А вагинальный осмотр сегодня делать не будем.

У меня вырывается вздох облегчения:

– Фу, бл...

– Блин. – Отец делает страшные глаза. – Ты же «фу, блин» собиралась сказать, да?

– Угу, – бурчу я, убирая за ухо короткую прядь волос. По идее, отец – бывший католик, но на самом деле он гораздо религиознее, чем готов себе признаться. – Я собиралась сказать «блин». Господи, ты вообще меня знаешь?

Улыбаясь, медсестра проделывает все обычные процедуры: измеряет давление и пульс. Спрашивает о моем менструальном цикле и сексуальной активности. Я пытаюсь притвориться, что отец не стоит рядом.

– Как хорошо видеть такие близкие отношения между папой и дочкой, – говорит она, прижимая медкарту к груди. – Моя от меня ни на шаг не отходит. Хотела бы я ее оставить с отцом, да куда там.

– А у меня нет мамы. – Я пожимаю плечами. – Так что и выбора особо нет.

Папа снова делает страшные глаза, но выражение лица медсестры того стоит. Она покрывается густыми красными пятнами, будто только что нечаянно пнула щенка, и начинает отступать к двери медленными большими шагами.

– Извините, – выдавливает она, качая головой. – Вот... рубашка, переодевайся. И не забудь снять бюстгальтер. Доктор Уокер скоро придет.

– Симона, это было невежливо, – укоряет отец, как только за ней закрывается дверь. – Она не обязана знать всю нашу историю.

Это звучит так официально. Вообще, понятно, что наша семья может кого угодно запутать. Начнем с того, что я не похожа на своего отца. Хоть у него и смуглая кожа, цвета темного песка, сразу видно, что у меня – черная, на несколько оттенков темнее, чем у него. Уверена, все думают, что я похожа на маму, еще и это обручальное кольцо у него на пальце. Отец не совсем еще вышел из шкафа. Мне кажется, он и не говорит никому о папе. Пока совсем не припрет. А вот папа рассказывает всем, кто готов слушать. Этим они отличаются. Просто хочется, чтобы от отца все отстали и чтобы он не чувствовал, что ему нужно прятаться.

– Но и додумывать совсем не обязательно, – заявляю я и ухожу переодеваться за шторку. – Как там у папы любимое: пусти уши в люди, всего наслушаешься?

– Да знаю я, знаю. С каждым разом все хуже, – вздыхает он. – Какие там у тебя к врачу вопросы?

– Я спрошу, можно ли мне заниматься сексом. – Я натягиваю рубашку на голову, чтобы не видеть его неловкость. – И про разрыв девственной плевы. И еще про беременность.

– Не вижу ничего смешного, как ни странно...

– А тут ничего смешного и нет. – Я тяну рубашку вниз и, отдернув шторку, грожу ему пальцем. – Ничего смешного в сексе, особенно когда он со мной.

Его лицо смягчается:

– Симона...

– А, знаменитая Симона! – В кабинет влетает высокая белая женщина с ярко-рыжими волосами. – Твой отец столько о тебе рассказывал. Когда мы виделись в прошлый раз, ты была еще совсем малышкой, только-только научилась ходить!

Доктор Уокер меня знает, а я ее совсем не помню. Я натянуто улыбаюсь. Сдается мне, что она вовсе не такой близкий друг семьи, каким пытается казаться. Наверное, это и не важно. Я же не собираюсь стать ее лучшей подругой. Мне просто нужно, чтобы она ответила на мои вопросы.

– Ну что, Симона. – Она складывает руки на груди. – Доктор Хан направила тебя ко мне, потому что я вела и других пациентов с ВИЧ-инфекцией, у меня есть в этом опыт. Можешь задавать мне любые вопросы, и я постараюсь на них ответить.

Воу, сразу к делу! А она не из тех, кто ходит вокруг да около.

– Допустим, я хочу заняться сексом. – Подражая ей, я закидываю ногу на ногу. Больничная рубашка собирается складками. – Презерватива будет достаточно? И как быть, если секс с девушкой?

– Ну, во-первых, если речь идет о вагине, то есть фемидомы и латексные салфетки. – Она откидывается на стуле. Надо отдать ей должное, на эти вопросы она и бровью не повела. – Но нужно учитывать, что вирус передается при обмене определенными биологическими жидкостями, такими как кровь или сперма.

– Стоп, подождите, – вмешивается отец. – Симона, ты же знаешь, что лучшая профилактика ВИЧ – воздержание. Радость моя, мы же с тобой об этом говорили.

Мои щеки вспыхивают. Вот еще почему я не хотела идти вместе с ним – чтобы я могла без фильтра задать вопросы и получить ответы. И что хуже всего, я знаю, что он прав: воздержание – это единственный способ быть абсолютно уверенной, что я не передам вирус. Мне это с тринадцати лет вдавливали в голову. Уже как рефлекс.

Но это не значит, что я не могу хотеть секса. В последнее время он постоянно у меня на уме. Не в том смысле, что я прямо выискиваю, с кем бы заняться сексом, а просто ловлю себя на мысли, что хочу. Хочу смотреть на кого-то и любить, так же как и другие.

Я хочу знать.

– Пап, я в курсе. – Я тереблю мятый подол рубашки. – Но я же не всегда буду девственницей. Я хочу знать, как мне предохраняться, потому что, скорее всего, мой партнер не будет в теме.

Отец тяжело вздыхает и качает головой. Я поворачиваюсь к доктору Уокер.

– Меня не забанили в гугле, – объясняю я. – Но он каждый раз выдает разные ответы.

Я многое знаю про ВИЧ, включая принцип «N = N». Если уровень ВИЧ-инфекции в крови – вирусная нагрузка – неопределяем, то вирус непередаем. Другими словами, нельзя заразить кого-то еще. Неопределяем = Непередаем. Но мне от этого сейчас не легче.

– Симона, я тебя прекрасно понимаю. – Доктор Уокер складывает руки на коленях. – И хочу, чтобы ты знала, что секс для тебя вполне реален. Когда ты будешь готова, хорошо? Можешь посоветоваться с другими врачами, если хочешь получить второе мнение.

Я киваю. Но вряд ли пойду спрашивать доктора Хан про секс. Я у нее с рождения наблюдаюсь. Она уже практически член семьи.

– Лучше всего начинать заниматься сексом, когда твой уровень вирусной нагрузки неопределим как минимум на протяжении шести месяцев. – Она заглядывает в мою медкарту. – Не уверена, такие ли у тебя сейчас показатели. В любом случае, крайне важно продолжать принимать препараты каждый день, по часам.

Я поджимаю губы. Доктору Хан пришлось перевести меня на другие лекарства, потому что у меня выработалась устойчивость к старым. И когда в прошлый раз я была у нее на приеме, вирус в крови был все еще определим.

– Также важно различать виды секса и риски, которые с ними связаны. Анальный секс имеет самый высокий риск передачи ВИЧ, тогда как оральный – самый низкий.

Я кошу глазами на отца, его лицо краснее некуда. Он кашляет в локоть, будто чем-то поперхнулся. Я бы его поддразнила, да не хочу, чтобы он думал, что для меня это все шутки. Хочу, чтобы он знал, что я уже все изучила. Что я не пропускаю прием таблеток и всегда закрываю ранки пластырем. Что я серьезно отношусь к своей болезни.

– Как ты и сказала, нужно использовать презервативы, но важно, чтобы они были именно из латекса или полиуретана, – продолжает она, постукивая пальцем по папке. – Пожалуй, с ВИЧ-инфицированным партнером было бы проще, но меры предосторожности надо принимать в любом случае.

– Угу, это я слышала. – Я чешу в затылке. А на уме у меня кое-кто с темной кожей и приятной улыбкой. – А что, если партнер ВИЧ-отрицателен? И уровень вирусной нагрузки определим?

– Симона, – начинает отец.

– Что? – изгибая бровь, спрашиваю я. – Ты не хочешь, чтобы я знала? Пап, мне в следующем году будет восемнадцать лет. Как ты верно заметил, мне уже больше не двенадцать.

Препараты для лечения ВИЧ довольно непредсказуемы. Иногда они дают побочные эффекты. А если слишком часто пропускать прием таблеток, через какое-то время вирус может развить устойчивость. Возможно, мне придется снова перейти на новое лекарство и начать все сначала. Возможно, у меня появится партнер, у которого нет ВИЧ. Значит ли это, что я не смогу с ним заняться сексом, пока уровень моей вирусной нагрузки снова не станет неопределимым? Или есть другие варианты?

Доктор Уокер откашливается, и я поворачиваюсь к ней. Она смотрит так ласково, будто разговаривает со зверюшками в контактном зоопарке. Наверняка у нее полно пациенток с гиперопекающими папашами. И подобный разговор тоже был, только не такой напряженный.

– В этом случае речь идет о дискордантной паре, – говорит она. – Есть препараты для профилактики, с помощью которых ВИЧ-отрицательный партнер может предотвратить передачу вируса; об этом тебе стоит поговорить с врачом-инфекционистом. Я рада, что мы все с тобой обсуждаем, но хочу отметить, что крайне важно открыть свой статус партнеру до того, как все пойдет слишком далеко.

– Знаю. – Я смотрю на свои руки. – Это я тоже слышала.

В штате Калифорния был закон, по которому я могла угодить в тюрьму за незащищенный секс, если скрыла от партнера информацию о ВИЧ-статусе. Теперь все по-другому; если мой вирус неопределим и секс с презервативом, то у меня будет защита. Вот только с законом все сразу кажется реальнее. Я сразу вспоминаю, что я не такая, как все.

Мы с папой посмеиваемся над нелепыми домыслами людей о том, как передается вирус – через поцелуй в щеку, если подержаться за руки или попить из одной бутылки. Но вот секс – это уже серьезно. Все знают, что, занимаясь сексом, можно чем-нибудь заразиться, но вряд ли кто-нибудь в моей школе думает про ВИЧ. Когда я начинаю представлять, как открываю понравившемуся парню свой статус, все всегда заканчивается тем, что он смывается.

Секс мне не нужен. Но я его хочу.

– Симона?

Я моргаю и поднимаю глаза на доктора Уокер. Она печально улыбается, словно знает, о чем я думаю. Часть меня хочет ее обнять.

– У тебя есть еще вопросы?

Я качаю головой, и она похлопывает меня по руке.

– Тогда давай-ка откидывайся назад, и начнем осмотр.

2

Родители давным-давно перестали возить меня в школу, скорее всего из-за того, что я просыпаюсь как можно позже и собираюсь в самый последний момент. Сегодня по-другому. Проснуться поздно значит подвести Лидию.

Непривычно слышать, как отец выводит машину из гаража и уезжает в больницу. Папа на кухне варит кофе. Похоже, я многое пропускаю, пока сплю.

– А ты сегодня рано. – Папа помешивает ложкой кофе. Он пьет только черный. – Что-то затеяли с подружками?

Я сглатываю комок в горле, стараясь проскользнуть между ним и кухонным столом. Обычно папе я могу рассказать что угодно, но, когда дело касается моих друзей, уже все не так просто. Раз Лидия не хочет, чтобы ее родители знали, куда мы собираемся, то вряд ли она захочет, чтобы мои родители были в курсе.

– Да там нужно заскочить кое-куда. – Я достаю кружку из шкафа. – После школы не получится, потому что у меня репетиция.

– И без тебя никак не обойдутся?

Я беру кофейник и, пожимая плечами, щедро наливаю себе кофе. Глаза я еще не совсем продрала, но его футболку с «Де Ла Соул» вижу отлично – он ее постоянно носит, хоть эту отсылку и понимают только ученики с черной кожей, как у него и у меня. Иногда я жалею, что учусь в другой школе, но до той, где работает папа, добираться тридцать минут. Школа Пресвятого Сердца ближе, не такая консервативная, как моя прошлая, и формы там нет. А что еще лучше, никто меня в Пресвятого Сердца не знает. Не то что в прошлой.

В школе-пансионе Матери Божией Лурдской было всего сто учениц, и мы все жили в одной общежитии. То есть мы были гораздо ближе, чем обычные одноклассницы. Меня это не напрягало – пока они не узнали, что у меня ВИЧ.

– Симона. – Папа ставит свой кофе на стол. – Если вы затеваете что-то не то, ты же мне скажешь, да?

Я вздыхаю:

– Лидия не хочет говорить родителям. По крайней мере пока. Мы просто заедем в одно место.

Он чуть дольше задерживает на мне взгляд.

– Честное-пречестное, – говорю я и накрываю его руку своей. – Если бы у нее были проблемы, я бы тебе рассказала.

Он что-то ворчит себе в кружку. Я, довольная, поворачиваюсь к шкафу с лекарствами. Чтобы держать вирусную нагрузку под контролем, мне нужно каждое утро принимать гигантскую таблетку. Напоминалка на телефоне, наверное, как раз трезвонит, но теперь она мне редко нужна. Я уже на автомате пью лекарства как по часам.

Папа смотрит, как я глотаю таблетку. Раньше они с отцом дарили мне наклейку за каждый день, когда я не забывала про лекарство. Если я не пропускала ни дня целый месяц, меня ждала награда побольше. Можно сказать, что теперь моя награда – это мое здоровье. С походом в «Чаки-Чиз», конечно, не сравнится.

Раздается звонок в дверь. От неожиданности я подпрыгиваю, чуть не расплескав кофе. На крыльце – Лидия, темные волосы заправлены за уши, лицо без косметики.

– Привет, – чуть слышно говорит она, когда я открываю дверь. – Ты готова? Клавдия ждет в машине.

– Ага. – Я делаю паузу и меряю ее взглядом. – Это она тебя за мной послала?

– Нет, я сама захотела.

Я прищуриваюсь.

– Симона, ты моя лучшая подруга. – Она качает головой. – Почему бы мне не хотеть тебя видеть?

– Ты нервничаешь, да? – догадываюсь я. – Иначе бы просто ждала снаружи.

– Немного, – признается она. – Но с вами мне гораздо лучше.

Словно в подтверждение этому, она кладет руки мне на плечи и обнимает.

– Ох, Лидия, – бормочу я, уткнувшись в нее лицом. – А нам с тобой просто невыносимо.

На самом деле я ее люблю.

– Я только рюкзак возьму, – наконец говорю я, отступая назад. – Ты пока зайди.

Она кивает и идет вслед за мной. Ее рюкзак украшают разные значки: логотип нашей школы, герои «Лего Фильма» и значки «Я люблю Тайвань» из ее поездки к родственникам прошлым летом.

– Привет, Лидия, – говорит папа, пока я хватаю со стола свой рюкзак. – Как дела?

– Спасибо, хорошо, – улыбается Лидия. – К школе готова.

Я едва сдерживаю смехок. Лидии реально нравится в школе. Мне этого никогда не понять.

– Как родители?

– В порядке. – Она переминается с ноги на ногу. – Как обычно, дел невпроворот.

Родители Лидии, мистер и миссис Ву, хотят, чтобы она училась хорошо, но при этом не такие напряженные, как предки Клавдии. Они не рисовали у нее в комнате таблицы умножения на стенах и не отправляли ее в математический лагерь, зато сразу проверяют оценки, как только те появляются в таблице. Меня родители один-единственный раз спросили, нужен ли мне репетитор, да и то было это, еще когда я ходила в «пансион благородных девиц». Не могу себе представить, чтобы они следили, сколько времени я провожу за компьютером, или каждые пять минут заглядывали мне через плечо. Но каждому свое, верно?

Папа чмокает меня в щеку и машет Лидии, которая буквально тащит меня к двери.

– Удачи сегодня! – кричит он вслед. – Скинь эсэмэску, когда доберетесь до школы.

Дверь за нами захлопывается.

Клавдия ездит на старом синем «Форде Бронко», но я никогда не сажусь впереди. Я до сих пор не понимаю, как Лидия не боится там с ней ездить, а

особенно сегодня. Каждый раз за рулем Клавдия то гонит в стиле «Форсажа», то ползет так, словно у нее спустило колесо.

– Поражаюсь, как это у тебя еще права не отобрали, – говорю я, усаживаясь прямо посередине заднего сиденья. – У тебя поди уже штрафов вагон и маленькая тележка.

– Ой, заткнись, – огрызается она, держа руки на руле. – Если я, по-твоему, так ужасно вожу, давай ты сядешь за руль. Уж поверь, это не так просто, как выглядит со стороны. Иди сдай экзамен по вождению, и узнаешь.

Я могла бы остроумно ответить на ее подкол, но не буду. Сегодня она старается быть особо тактичной с Лидией, ну а ее обычную язвительность же тоже надо куда-то девать. Уверена, когда мы все уладим, она успокоится.

Как только мы пристегиваемся, машина трогается с места. Плавное движение укачивает, тянет веки вниз. Несмотря на выпитый кофе, я почти засыпаю. Тишина тоже не сильно помогает.

– Ты просто купишь таблеток, – неожиданно говорит Клавдия, поворачиваясь к Лидии. – Только и всего, не переживай.

Я моргаю и открываю глаза. Мне видно выражение лица Клавдии – непривычно мягкое, полное заботы, – а лицо Лидии я не вижу. Не понимаю, чего она так волнуется.

– Просто я не люблю врать, – вздыхает она. – Видела бы ты мою маму. Она тут хотела со мной завести разговор про «чувства» и «перемены», и я ей сказала, что не занимаюсь сексом. А теперь тайком иду покупать противозачаточные. Я ужасная дочь?

– Никакая ты не ужасная, – пожимаю плечами я. – Ты что, хочешь с ней обсудить, как вы с Иэном Уотерсом чпокаетесь?

– Во-первых, фу-у. – Клавдия смотрит на меня в зеркало. – А во-вторых, разве кто-то еще говорит «чпокаетесь»?

– Я говорю.

Она прыскает со смеху.

До клиники минут пятнадцать, и дальше мы едем в молчании. Родители Лидии работают в финансах, поэтому можно не бояться встретить здесь какого-нибудь друга семьи. Все, что ей нужно сделать, – это зайти, заплатить за таблетки и выйти.

Клавдия заезжает на парковку. Там уже стоят шесть машин, хотя еще только раннее утро. Выцветшая вывеска с розовыми буквами у тяжелых железных дверей – словно кадр из фильма.

Я отстегиваю ремень безопасности и наклоняюсь вперед, чтобы мне было видно Лидию.

– Хочешь, мы зайдём с тобой? – спрашиваю я. Так странно видеть ее без привычного дымчатого макияжа. – Можем все вместе туда пойти.

Лидия мотает головой, расстегивая свой ремень безопасности.

– Нет. Меня могут и не узнать, но если мы придем все вместе, то нас узнают точно.

Скорее, узнают Лидию с Клавдией. Они дружат уже сто лет, ходят в одну школу и друг к другу в гости.

– Есть закон о конфиденциальности. – Клавдия выключает зажигание.

– Угу, – подтверждаю я. – Врачи и медперсонал не могут никому ничего рассказать без твоего разрешения. Все будет нормально.

– А что, если мы на урок опоздаем?

Я и Клавдия одновременно усмехаемся.

– Ничего страшного, – говорю я. – Если что, скажем твоим родителям, что ты мне с чем-нибудь помогала. Если хочешь, можешь им сказать, что я заболела.

Врать миссис Ву будет неудобно. Я всего раз была у них в гостях, с ночевкой в сентябре, она нас тогда на завтрак блинами накормила. Но ради Лидии я готова соврать.

– Ох. – Лидия потирает предплечья. – Снова вранье.

– А по-моему, это и есть важная составляющая подросткового бунта, – замечает Клавдия. – Ну и типа... со временем твои родители сами догадаются, что ты на противозачаточных, и не нужно будет никаких неловких разговоров. Ведь все-таки это не мои родители.

– Да знаю, – произносит Лидия. – Ладно, я быстро.

Она выбирается из машины, громко хлопая за собой дверь. Наверное, теперь я бы могла пересесть вперед, но я остаюсь на заднем сиденье, подтянув колени к груди.

– Так странно, – пронзая тишину, говорю я, – никак не ожидала, что здесь окажусь. Всегда была уверена, что мне не придется даже думать о сексе.

– Да брось! – усмехается Клавдия. – Ты о сексе думаешь больше всех, кого я знаю. О чем ты вообще говоришь?

Блин. Лидия и Клавдия – мои первые и лучшие друзья в школе Пресвятого Сердца. Часть меня, что-то в глубине души, подсказывает, что я могу открыть им свой ВИЧ-статус.

– Ну не знаю. – Я откидываю назад волосы. – Даже если я о сексе и думаю, это еще не значит, что он у меня будет.

Другую мысль я вслух не говорю: даже если я кое о ком и думаю, это не значит, что между нами что-то будет.

Она поворачивается ко мне, приподнимая темную бровь. У нее короткая стрижка, все тот же боб-каре, совсем как в первый день нашей встречи, и такая же смуглая кожа, как у моего отца.

- Хочешь мне что-то сказать, подруга?

Я поджимаю губы. Обычно я не могу хранить секреты от Клавдии Перез, но это – секрет секретов. Самый большой мой секрет. Не думаю, что Клавдия его разболтает, но наверняка-то я этого не знаю.

- Симона, – не унимается Клавдия, – что такое?

- Я просто... – Я смотрю вниз. Под ногами валяются конспекты. – Я просто не могу представить, кому захочется секса со мной.

- И почему нет? – резко возражает она. – Я бы с тобой переспала, если бы ты захотела. Ты офигенная.

Я невольно смеюсь:

- Знаешь, как это странно звучит?

- И что с того? – На ее губах играет полуулыбка. – Почему бы кому-нибудь и не захотеть тебя чпокнуть?

Я не знаю, что ответить. Лидия открывает дверь машины и проскальзывает на переднее сиденье. Лицо покраснелось, в руках – небольшой белый пакет. Мы молчим и ждем, что она скажет.

- Такая приятная женщина, – наконец говорит Лидия, судорожно выдыхая. – Не знаю, почему я так переживала. По телефону она тоже была приятной, на все мои вопросы ответила.

Я сжимаю ее плечо:

- Я так тобой горжусь!

– О да! – Клавдия колотит руками по рулю как по барабану. – Лидия, ты просто лучшая!

Не могу понять, Лидия все еще красная от волнения или теперь уже от смущения. Клавдия выезжает с парковки и направляется в сторону школы.

– Я уже одну выпила, – говорит Лидия после минутного молчания. – Теперь нужно будет их принимать каждый день. Думаю, все будет в порядке.

– Как ты себя чувствуешь? – опережая меня, спрашивает Клавдия. – Лучше?

– Гораздо лучше, – отвечает Лидия и издает еще один вздох. – Мы с Иэном начинаем... ну, это... двигаться в этом направлении, так что я рада, что теперь готова. Правда, я думала, мне будет более совестно, что я соврала родителям.

– А по-моему, это нормально. – Я откидываюсь на спинку сиденья. Невольно вспоминается прием у доктора Уокер. Думаю, мне было бы неплохо почаще врать родителям. – Не нужно все и всегда рассказывать.

– Какие же вы классные! – восклицает Лидия. Клавдия не сводит глаз с дороги, и я ей улыбаюсь, хоть она этого и не видит. – Я вас просто обожаю. И еще так рано пришлось вставать...

– Это для Симоны проблема, – перебивает Клавдия. – Не для меня. Я всегда рано встаю.

– Молодец, а вот мне трудно просыпаться раньше девяти, – говорю я. – Я не виновата, что я ночью бодрее, чем утром. Американская ассоциация педиатров...

– ...заявляет, что дети не должны так рано вставать, – со смехом заканчивает за меня Лидия. – Знаем. Ты это всего лишь каждое утро твердишь. Меня уже хоть среди ночи разбуди – все это исследование наизусть расскажу.

На парковке у школы уже много машин. Это большое кирпичное здание, в котором могла быть и пожарная часть, и женский монастырь из пятидесятых, но так уж вышло, что в нем – учебное заведение. Древний «Форд» Клавдии резко выделяется на фоне элегантных серебристых автомобилей.

– Давайте, шевелитесь, – командует она, вытаскивая ключи. – Мне еще нужно успеть до шкафчика пройти. Забрать плакат с домашкой. Лидия, ты очень ответственная, и я тебя люблю. Скажи Симоне, что у нее когда-нибудь точно будет секс.

Я показываю ей средний палец. Она озаряет меня улыбкой и уходит. Я пытаюсь идти за ней, уворачиваясь от порывов холодного осеннего ветра, но Лидия тут же цепляет меня за руку.

– Что там про секс? – Вблизи она уже не выглядит такой бледной, как раньше. – Это прикольно. Обязательно попробуй.

– Вы же с Иэном еще до этого не дошли?

– Ну, там есть разные варианты.

– Проблема не в самом сексе, – говорит Клавдия, останавливаясь у своего широкого синего шкафчика. Я прислоняюсь к стене, пока она возится с замком. – Она думает, что желающих заняться с ней сексом просто не найдется.

– Чего? – Лидия смотрит на меня с недоумением. – Почему не найдется?

– Знаешь, а я вот своим шкафчиком совсем не пользуюсь, – объявляю я, пытаюсь освободить руку из ее хватки. Она не выпускает. – Серьезно, я не шучу. Все важное я ношу с собой в рюкзаке. А в шкафчике остался только информационный пакет от школы.

– Мне мой пригодился только однажды и вот еще сегодня, – говорит Клавдия, и дверца шкафчика распаивается. – Но тут другое. Ты всего сколько здесь, два месяца? А я – уже три года.

– Стойте, – вклинивается Лидия, поднимая руки. – Кого волнуют ваши шкафчики? Симона, да любой был бы счастлив заняться с тобой сексом. Это просто смешно.

Вот она, Лидия, которую я знаю.

Понятно, что они говорят правду – я довольно-таки офигенная. Два месяца назад мне и дела не было до бойфрендов, секса и всякого такого. Я только хотела влиться в коллектив на новом месте. А теперь я режиссер школьного мюзикла и могу сама найти как минимум половину своих классов.

– Наверное, это патриархат разрушает мой мозг. – Я постукиваю пальцами по бедру. – Потому что звучу я так, будто у меня нет ни грамма самоуверенности. Я офигенная сучка.

– Еще бы, – отзывается Лидия. – Это всем известно.

– Никто и не подумает обойтись с тобой как мудила. – Клавдия прижимает к груди плакат. – Но если что, ты мне скажи – я им задницу надеру.

– Тогда готовься, – говорю я. – Потому что кругом мудаки. Особенно парни нашего возраста.

– Я не согласна! – возражает Лидия. – Иэн милый и симпатичный.

Мы с Клавдией делаем круглые глаза. Лидия фыркает и складывает руки на груди.

– Ну, никто не идеален. А что насчет того парня из драмкружка, на которого ты положила глаз? – спрашивает Лидия, благоразумно отвлекая внимание от своего бойфренда.

Как можно сравнивать Иэна, президента клуба судебного моделирования, с Майлзом Остином. Для начала, я почти уверена, что Майлз – единственный во всей вселенной чернокожий игрок в лакросс. Каким-то образом ему удастся не выделяться среди других членов команды с их шмотом из «Джей-Крю» и «Вайнъярд-Вайнс». Наверняка по таким друзьям можно многое сказать о нем самом. И рассказ выйдет не очень. Но меня все равно почему-то к нему тянет.

– Ну, он не придурок, – начинаю я, загибая пальцы. – Он может такие тяжести таскать, как будто это раз плюнуть. С ним интересно разговаривать. У него отличная задница.

– Как же я рада, что меня не привлекают парни, – говорит Клавдия, натягивая рюкзак на спину. Я беру ее свернутый в трубку плакат и сую под мышку. – С ними столько мороки.

– Может, все-таки стоит сделать первый шаг? – Лидия поднимает на меня глаза, до краев переполненные жалостью. – Симона, если тебе кто-то нравится, нужно ему об этом сказать.

Я сдерживаю вздох. Может, я бы и сказала, если б точно знала, что Майлзу нравятся девушки. Он подходит ко мне на каждой репетиции и начинает расспрашивать об очередном мюзикле. Я еще не встречала натуралов, которые бы этим так интересовались.

Я знаю, что то, как он одевается и как говорит, не делает его геем. Но все равно есть у меня подозрение. Может быть, это из-за мюзиклов. Или, может, потому что он всегда со всеми приветлив. А может, потому что я никогда не видела его с девушкой. Блин. Вот если бы я училась в нормальной школе, а не в «пансионе благородных девиц», я бы сейчас знала, как во всем этом разобраться.

– Ну, это не так легко. – Я понижаю голос. – Вас послушать, так все проще простого.

Когда я с Лидией и Клавдией, я чувствую себя крутой. Но этого недостаточно. Майлзу нет никакой причины со мной разговаривать, кроме как перекинуться парой слов. И по большей части меня это устраивает: я не собираюсь бегать за парнем. Вот только когда я его вижу, места себе не нахожу. Есть что-то в том, как он всех к себе притягивает на репетициях и в школе, – но что именно, я не знаю. Он просто живет, и этого достаточно. Вот бы и я так могла.

3

Как только раздается звонок с последнего урока, я направляюсь в актовый зал, где проходят репетиции. Не знаю, почему я так увлеклась театром: то ли из-за Лина-Мануэля Миранды, как и все вокруг, то ли потому, что мне это действительно нравится. Скорее всего, оба варианта. Если бы мне не нравилось,

я бы не проводила по два часа в день, работая над этим мюзиклом.

– Так, ребята, идите все сюда, – зовет мисс Клейн.

В школе она преподает химию, так что не сказать, что она прям большой знаток театра, но я стараюсь никого не судить. Она продолжает:

– По большому счету, все у нас пока идет хорошо. «Богема» – это трудная для школьного театра постановка, и я очень горжусь, что у нас все так складно получается.

Актеры и рабочие сцены собираются возле нее каким-то странным полукругом. Рядом с ней, сложив руки на груди, стоит мистер Палумбо – невысокий лысеющий мужчина с большим животом. Хотя он и молчит, мне кажется, что все внимание зала на нем, а не на мисс Клейн. Он ловит мой взгляд и подмигивает.

Мистер Палумбо, возможно, самый крутой учитель, который у меня когда-либо был. Вообще, он ведет музыку, но с первых моих дней в этой школе он разрешал мне тусоваться в его классе и на перерывах между уроками. Прежде чем тебя выберут режиссером, чаще всего нужно долго ставить школьные спектакли, а он меня выбрал после горячего спора о возможной экранизации «Злой». И вот я здесь.

– Давайте не забывать, что наша премьера не за горами, – продолжает мисс Клейн. Она смотрит на меня, и я отвожу взгляд. В своей прошлой школе я помогала за кулисами, но режиссером ни разу не была. Мисс Клейн не единственная, кому сразу ясно, что я совсем еще новичок. – У нас осталось чуть больше пяти недель, чтобы подготовить самое лучшее шоу.

Рядом со мной стоит Лайла из выпускного класса. Она играет Мими. В первый день репетиций она меня обняла и не пялилась в мою сторону, как другие актеры, пока Палумбо не видел. Не уверена, можно ли мне выделять любимчиков, но она – точно одна из них.

– Этого более чем достаточно, чтобы довести все до ума и нанести финальные штрихи, – произносит Палумбо. – Так что не будем волноваться.

– Но нужно помнить, что зрители от нас ничего особо не ожидают, – не унимается мисс Клейн, потрясая руками. – А мы-то их хотим сразить наповал, так ведь? Мы хотим показать всем родителям, которые были против этой постановки, что вы в состоянии справиться с такой темой, способны на все возможное и невозможное.

– Только без напряжения, – говорит Палумбо, поглядывая на мисс Клейн. В зале, обычно наполненном звуками музыкальных инструментов, голосами актеров и перешептыванием рабочих сцены, стоит странная тишина. – Для вас сейчас самое главное – это узнать, как устроен театральный процесс, и разобраться: хотите вы этим заниматься дальше или нет. И если не хотите, то ничего страшного. Вот я – учитель и здесь исключительно ради удовольствия. Ведь есть среди нас и те, кто просто любит театр.

Мисс Клейн бросает на него косой взгляд. Отличный сабтвитинг в реале, я считаю. Пока еще открыто она ему ничего не говорила, но я так и жду, когда у одного из них бомбанет.

Не знаю, как бы мисс Клейн отреагировала, если бы я сказала, что пришла сюда только ради удовольствия. Вполне возможно, придушила бы. Не, ну а серьезно, что она думает? Я обожаю мюзиклы, но делать из них карьеру – огромный риск. Не уверена, что у меня хватит для этого таланта.

– А еще важно попытаться взять премию на конкурсе для старшеклассников за достижения в музыкальном театре. – Мисс Клейн натянуто улыбается.

При упоминании премии по толпе пробегает тихий рокот. Все перешептываются.

Лайла чуть слышно выдыхает:

– Она реально только об этом и говорит.

– Дык, – шепчу я, наклоняясь к ее уху, – за премию ее похвалит начальство.

– Но победа – это еще не все. – Палумбо делает шаг вперед. – Я хочу, чтобы все вы помнили, что «Богема» – это по многим причинам потрясающая постановка, и одна из них – то, как откликается в нас своей глубокой человечностью каждый

персонаж. Если по завершении этого действия вы запомните только одно, я хочу, чтобы вы запомнили именно это.

– Верно. – Мисс Клейн поджимает губы. – Мюзикл знаменит своей темой и особенно музыкой. Полагаю, персонажи тоже важны.

Наступает молчание. Кто-то кашляет.

– Давайте уже репетировать? – подает голос Эрик, один из ведущих актеров. Афро у него пышнее, чем у меня, – это просто возмутительно. – Мне нужно домой к пяти, я не могу постоянно опаздывать.

– Что скажет наш режиссер? Может быть, слова поддержки? – спрашивает Палумбо, указывая на меня рукой. – Симона так хорошо излагает мысли, гораздо лучше, чем я. Уверен, ей есть что сказать.

Воу, вот это без напряжения так без напряжения. Ну спасибо.

– Э-э, угу. – Я делаю шаг вперед, Лайла остается позади. Без нее под боком я чувствую себя обнаженной. Я всматриваюсь в лица. Трудно прочесть их все, но, кажется, я здесь не суперпопулярна. Почти все мои пометки на репетициях – это замечания, я не Палумбо, из уст которого все звучит как похвала. – Мне кажется, у нас и правда пока все отлично получается. Знаю, из-за тренировок и других кружков времени на репетиции остается все меньше, и я хочу сказать вам спасибо за то, что вы остаетесь преданными этому проекту.

Вокруг лишь пустые взгляды. Эрик наклоняется и что-то шепчет на ухо Клэр, которая поет в хоре. Та хихикает. Я кашляю.

– На первом показе не все будет идеально, – говорю я, потирая шею. – Даже на Бродвее, где идут сотни представлений, после каждого есть что исправить. Так что не стремитесь к совершенству. Просто растрогайте зрителей до слез.

В гулком зале раздаются редкие смешки. В моей прошлой школе спектакли играли в столовой. В этой – драмкружку отдан целый актовый зал. Я обожаю здесь все: ступени, ведущие на сцену, и обрамляющий ее тяжелый красный занавес; тяжелый, старинный запах нафталина и свежий запах стружки и

открытых банок краски за сценой; этот простор, этот уходящий вдаль зал, словно стены не в силах его сдержать. Когда Лайла или Эрик поют, звук эхом отзывается у меня внутри.

– По-любому! – выкрикивает Рокко. Он играет Энджела. – Давайте, ребята, собрались. Вперед и с песней!

– Хорошо, десять минут актерам, чтобы повторить слова, – объявляет мисс Клейн. – Ровно десять минут. Потом мы прогоним все с начала и до конца. Пожалуйста, обратите внимание, сколько раз вы заглянете в сценарий.

Палумбо бросает на нее взгляд, но, не говоря ни слова, переключается на остальных ребят.

– Все, кто в хоре, идите со мной в хоровую, – зовет он. – Мы пока проработаем несколько песен в начале.

Я едва сдерживаю вздох. Это значит, что я остаюсь здесь одна с мисс Клейн. Я стараюсь не выглядеть как обиженный ребенок, пока он уводит за собой бо?льшую часть труппы. Мне даже с актерами нечем заняться, раз мисс Клейн уже дала им задание. Пожалуй, посмотрю вместе с ней, как они играют, и что-нибудь им подскажу.

Пока актеры занимают места, я без объяснений кидаю папе картинку с Дорой Уиннифред из «Артура»[1 - Серия американских детских книг и мультипликационный сериал о приключениях трубказуба по имени Артур. – Здесь и далее примеч. пер.]. Ему такое нравится, хоть я и не уверена, что он понимает, в чем прикол. Он не отвечает. Значит, занят чем-то важным – может, проверяет домашку своих учеников. Я заглядываю в фейсбук и инстаграм, но там ничего нового – все это я уже видела в обед. Ненавижу алгоритмы. Такое чувство, что весь день бегаешь по кругу.

Вот в твиттере иногда бывает интересно. В моей прошлой школе им почти не пользовались, а здесь чуть ли не у каждого есть аккаунт. Это отличный сайт для свежих новостей: кто с кем расстался, кто куда поступил, и просто скандалы, интриги, драма. Рабочие сцены ведут аккаунт драмкружка; за ним очень интересно следить из-за одного парня, на которого я стараюсь не смотреть.

– А нам что делать? – кричит со сцены девятиклассница по имени Лили. – Рабочие простаивают.

– Вами руководит Джесс, – отвечаю я, засовывая мобильник в карман. – Спроси у него, нужно ли ему с чем-нибудь помочь. А если не найдешь его, я что-нибудь вам организую.

Лили кивает и исчезает за кулисами. Я переключаю внимание на остальных рабочих сцены. Большинство из них красят столы и стулья, чтобы те выглядели как из одного гарнитура. Мои глаза быстро выхватывают из толпы сами знаете кого.

Майлз облокотился на здоровенный каркас, но я все вижу: выступающие вены на его руках, бугорки мышц на ногах и изгиб крепкой задницы. Знаю, знаю... наверное, лучше на него не заглядываться. Если б это было так легко... Я не привыкла видеть столько парней вокруг. В прошлой школе было по-другому. Там были толпы хорошеньких девчонок, но я их всех прекрасно знала, а потому на них не заглядывалась.

Здесь же я даже не знаю, куда смотреть. Глаза разбегаются при виде всех этих девушек и парней, еще и не в школьной форме. Полная сенсорная перегрузка. Вот на заднице Майлза я и даю глазам отдохнуть.

– Эй, Симона! Какой у нас спектакль дня?

Я моргаю. Теперь он на меня смотрит, на губах – улыбка. Может, он и не заметил, как я на него пялюсь.

– Да мюзиклы это, а не спектакли, – возмущаюсь я, скрещивая руки на груди. – Майлз, ну уже целый месяц прошел. Камон. Только не говори, что мой ликбез по мюзиклам не помогает.

– Ладно, ладно. Какой у нас мюзикл дня? – повторяет он, поворачиваясь ко мне. На миг у меня перехватывает дыхание, но только на миг, так что это не считается. – Что там было в прошлый раз? «Кошки»?

– Фу, блин! – Я карабкаюсь на сцену и плюхаюсь на пол возле него. Он усаживается рядышком. Его колени, такое большое по сравнению с моим, прижимается ко мне. Я поднимаю глаза и смотрю ему в лицо. Кажется, он не заметил. Не то чтобы меня прямо так удивило его прикосновение. Скорее тепло другого человека так близко – вот что. – Не напоминай про «Кошек». Меня от них жуть берет.

Он широко улыбается, обнажая ослепительно-белые зубы. Я быстро-быстро моргаю.

– Да ну, не верю! – Он качает головой. – Как ты можешь бояться «Кошек», когда твой любимый мюзикл – про парня, который режет людей и делает из них пирожки?

– Ну потому что это охренительный мюзикл, – закатываю глаза я. – А в «Кошках» актеры криповые, бр-р-р. Катаются по сцене в своих дурацких трико и пытаются выскочить в зал, чтобы трахнуть твою ногу. Это не мое. Держите свое актерство при себе и играйте, пожалуйста, на сцене.

– Ну не знаю. – Он пожимает плечами. Его кожа снова касается моей. Едва ощутимо, но я-то чувствую. Не могу не чувствовать. – По-моему, звучит круто. Типа ты – часть искусства.

– Нифига не круто. – Я внутренне содрогаюсь, вспоминая, как отец и папа взяли меня с собой на этот ужас. Мы ходим на бродвейские шоу каждое лето, когда навещаем моего сводного брата Дейва, но то лето, мягко говоря, нехило подкачало. – Поверь мне, если актерам так уж необходимо выходить в зал, то лучше бы они это делали как в «Короле Льве». Это в тысячу раз круче.

– Ты что, обсираешь творение самого, как его там, Уэббера? – Он картинно ахает. – погоди, погоди. Мы что, в альтернативной вселенной?

– Ой, заткнись, – бурчу я, пока он хохочет. – Музыка в «Кошках», конечно, охренительная. Вот только я хочу следить за тем, что происходит на сцене, и не отвлекаться на взрослого мужика, трахающего мою ногу.

Он открыто разглядывает мое лицо и улыбается. Майлз улыбается чаще всех, кого я знаю. Нельзя сказать, что при виде меня его лицо озаряет улыбка, потому

что он всегда сияет. Именно поэтому мне очень легко убедить себя, что я ему нравлюсь.

Будь он мудаком, возможно, было бы легче. Когда он здесь только появился, я думала, что он будет до меня докапываться, но за все это время он ничего плохого не сделал. Он ни с кем не развлекается в кладовке с реквизитом и всегда готов помочь, если что-то нужно сделать. Пожалуй, единственная проблема в том, что он ведет себя как приличный парень, а не обжимается со мной где-нибудь у стены.

– Ну так что? – Я и не заметила, как он пододвинулся ближе. Так близко, что, когда он говорит, я чувствую на щеке его дыхание. – Если мюзикл дня не «Кошки», то что?

– Ах да. – Я придвигаюсь ближе. Его губы чуть заметно подрагивают. – Ну, мне нравится «Аида». Это про нубийскую принцессу, которая попадает в рабство и потом влюбляется в Радамеса, начальника дворцовой стражи египетского фараона.

– Ничего себе. – Он моргает. – Это Уэббер?

– Нет, – говорю я. – Вообще-то Элтон Джон.

– Элтон Джон, и всё? – Он приподнимает бровь. – Ты уверена?

– Не, ну там еще Тим Райс. – Я стараюсь сдержать улыбку. – Он вместе с Уэббером работал над «Эвитой», например.

– А, ну да. – Майлз качает головой. – Ты же без ума от Уэббера.

– Это не Уэббер! – Я пихаю его в плечо. – Уэббер и Тим Райс – два совершенно разных человека!

Он усмехается и снова мотает головой, но я продолжаю:

– Так что это не считается. К тому же моего любимого «Суини Тодда» сочинил Сондхайм.

– Ну да, конечно. – Он хлопает руками по джинсам и качает головой, как старик. – Да ладно, Симона. Можешь говорить все, что хочешь, но я тебя уже хорошо знаю.

В груди что-то по-дурацки трепещет. На уме лишь одно – как я хочу его поцеловать, но не могу, если ему не нравятся девушки.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не запустить руку в свои волосы. Лидия бы точно знала, что сказать. Вот что бы она сказала?

– Слушай. – Я прочищаю горло. – Я тут подумала... Мои подруги, в общем, они сопрезидентки Альянса геев и гетеросексуалов. Ты на собрание сегодня не идешь?

– Э-э. – Он морщит лоб. – А надо?

– Не, ну в смысле... – Я замолкаю. Блин, понимание и эмпатия — та еще сложная хрень. – Я пару раз была на их собраниях. Там круто и можно пообщаться с такими же, как ты. Я просто подумала, что тебе...

– Подожди, – перебивает он. – В каком смысле «с такими же»?

О боже. Мне ему правда придется все разжевывать?

– Ну, это... – мямлю я. – Альянс геев и гетеросексуалов. Там есть и другие геи. В смысле натуралы там тоже есть, но я ручаюсь, что квиры представлены адекватным образом, и...

– Симона. – Его рука мягко опускается на мое плечо. Я смотрю ему в лицо. Похоже, он пытается скрыть улыбку... Почему он смеется? – Я... По-моему, ты ошиблась.

У меня уходит секунда, чтобы понять, что он сказал.

– Ой, – говорю я, – ты... не гей.

– Нет, – качает он головой, – я не гей.

А как же мюзиклы? Майлз постоянно о них говорит. На каждой репетиции он умудряется меня найти и каждый раз спрашивает про мюзикл дня, хочет подробностей...

Стоп! Он все время спрашивает, а сам не знает, кто сочинил «Аиду». Даже это мне пришлось объяснять. А еще пришлось рассказывать про «Богему», «Кабаре» и «Скрипача на крыше».

Ой.

Звуки вокруг смолкли. Я слышу лишь тихий смех Майлза. Мои щеки горят. Как я могла подумать, что он гей? У меня родители геи, ну или по меньшей мере квиры. Уж я-то должна в этом разбираться. Меня так раздражает, когда люди делают выводы, ничего обо мне не зная, и каким-то образом я точно так же поступила с Майлзом.

Однако это же неплохо. Это совсем неплохо. Я невольно начинаю улыбаться. И это не нормальная улыбка. А такая дурацкая, широченная, во весь рот. Я отодвигаюсь и встаю на ноги.

– Ой, – повторяю я, – это... слушай, это же здорово. Это офигеть как хорошо. В смысле, я ничего против геев не имею. Просто... я рада, что ты не такой. Не гей в смысле. Но не потому, что я гомофобка.

– Боже мой... – Майлз прыскает, закрывая лицо рукой. Его плечи трясутся от беззвучного смеха. – Боже мой, Симона.

Я крепко сжимаю губы, стараясь перестать лыбиться. Выходит не очень. Уголки моих губ так и ползут вверх, хотя щеки все еще пылают. Он точно расскажет друзьям, что я веду себя как полная дура. Если повезет, то я стану посмешищем только для них и дальше дело не пойдет.

– Ну, я просто, это... Э-э-э. – Вот засада. Терять больше нечего, так что я прунупролом. – А ты это, ну... Э-э-э... Типа на свидания ходишь?

Его смех обрывается. Теперь у него такой озабоченный вид, вроде как: а все ли у меня дома?

Боже. Я без понятия, как нормальные люди зовут на свидания, но уж наверняка не так позорно. В свое оправдание могу сказать, что я это делала в первый раз. И с таким успехом он же будет и последним.

– Так, ребята. – Мисс Клейн хлопает в ладоши. – Начинаем!

Слава богу.

Я соскакиваю со сцены и бегу на свое место. Дороги назад уже нет.

4

Прошло полчаса, а я все еще не могу поверить, что сделала это. Я могла бы просто извиниться за то, что решила, что он гей. Могла бы вежливо попрощаться и уйти, как нормальный человек. Блин, если уж выставлять себя полной дурой, можно было найти время получше. А так мне теперь до пяти торчать на репетиции, всячески его избегая. Удерживать внимание на чем-либо еще практически невозможно, потому что в голове я снова и снова проигрываю эту сцену.

Палумбо (а он уже вернулся из хоровой) хлопает в ладоши, вырывая меня из глубоких дум о моем позоре:

– Вот сейчас было отлично, ребята. По-моему, с предложениями Симоны эта сцена заиграла новыми красками.

– Вы уверены, что у нее больше нет замечаний? – спрашивает Эрик, приковывая меня к месту взглядом. – Они у нее обычно не кончаются.

Несколько артистов хора поворачиваются в нашу сторону. Я с трудом сдерживаю вздох. Он не мог выбрать для этого другой день?

– Эрик, ты же знаешь. Делать замечания – это ее работа. Ничего личного. – Палумбо поворачивается ко мне. – Ну так что, есть у тебя замечания?

– Э-э-э, нет. – Я изо всех сил пытаюсь не краснеть, но, по-моему, у меня не получается. Ну спасибо, Эрик. Выставил меня перед всеми дурой. – Пока нет.

Рокко спускается со сцены, следом за ним – Эрик. Я стою не очень близко, но мне все равно видно, как он закатывает глаза. И часть меня его не винит. Уверена, он заметил, что сегодня я не уделяла внимание тому, что происходит на сцене. Дожили: какой-то парень отвлекает меня от мюзикла. Нормальные люди влюбляются и не теряют головы, ну или хотя бы притворяются, что все нормально.

А у меня всегда с этим было не очень.

– Симона. – Палумбо сжимает мое плечо. – У тебя все в порядке?

– Угу, – говорю я, опуская руки. – Просто день тяжелый.

Это еще мягко сказано, но если он тоже так думает, то вслух ничего не говорит. Я как никогда рада, что мисс Клейн уже ушла.

– Ладно, ребята, – выкрикиваю я и беру свой блокнот под мышку. Несколько актеров на сцене оборачиваются посмотреть, но не все. – Давайте полностью прогоним первый акт, со сменой декораций и песнями. Рабочие сцены готовы? Я буду делать по ходу заметки, и в субботу мы их разберем.

Палумбо мне улыбается:

– Вот это Симона, которую я знаю.

– Она никуда и не исчезала.

Из-за кулис выходит Джесс; вокруг его шеи болтаются наушники. У него короткие темные волосы ежиком и смуглая кожа. На каждой репетиции он одет во все черное, подавая таким образом пример остальным. Это наш ведущий машинист сцены: он относится ко всему серьезнее, чем все остальные вместе

взятые.

За ним выходит Майлз, и я замираю. Он вскользь смотрит на меня, и на секунду наши глаза встречаются. Я не могу разобрать выражение его лица. Да мне это и не нужно. Наверняка он сейчас рассказывает Джессу про наш разговор. Я отворачиваюсь, чтобы этого не видеть. Дело в том, что мне нравится работать с Джессом. Если он узнает о случившемся, то перестанет принимать меня всерьез.

Давай, Симона, напряги мозги. Я могла бы сказать Майлзу, что у меня случилась небольшая аллергическая реакция на орешки из автомата. Или можно все свалить на месячные, но это типа против правил феминизма. Кажется.

– Эй, Симона.

Я напрягаюсь и слегка поворачиваю голову. Слава богу, это всего лишь Джесс. Один. Майлза нигде не видно.

– Здесь я, – брякаю я и выдыхаю. Я рада, что это он, потому что думать о постановке – это как раз то, чем я и должна заниматься. – Не знаю, слышал ты или нет, но мы сейчас весь первый акт будем прогонять. Если у тебя сценарий с собой, советую взять карандаш и делать пометки.

Он кивает, но задерживает взгляд на моем лице.

– Что? – Я скрещиваю руки на груди.

– Ничего, – говорит он с легкой улыбкой на губах. – Просто у тебя вид какой-то напряженный.

Черт. Майлз ему рассказал. Я мешкаю секунду, потом дико машу руками в сторону сцены. Народ все еще слоняется без дела, несмотря на то что я только что объявила начало прогона. Я предпочитаю не повышать голос, но сейчас смотрю на них и понимаю, почему мисс Клейн все время кричит.

– Понятно. – Он смотрит на мои руки. – Уверена, что больше ничего? Может, напряги с парнем?

Мои щеки снова краснеют. Джесс хороший и все такое, но мы с ним обычно не разговариваем ни о чем, кроме постановки. И, по-моему, сейчас не самое подходящее время вдруг заводить дружбу.

- Блин, - вздыхаю я и запускаю руку в волосы. - Он тебе рассказал? Уже? Слушай, все не так плохо, как кажется...

- О чем? - Джесс мотает головой. - Майлз только сказал, что у тебя трудный день. А у тебя тот еще видок - явно напряги с парнем. Я-то знаю, я у себя в зеркале такой же постоянно вижу.

- Ой... - Майлз ему не рассказал. Я невольно улыбаюсь. - Парни - отстой, скажи?

- Всяко, - подтверждает Джесс. - Но они нам все равно почему-то нравятся. Такова жизнь.

Может быть, я ошибаюсь, но, кажется, его взгляд задерживается на Рокко немного дольше, чем нужно. Рокко - неплохой парень. Вот только... по-моему, они друг другу не подходят. Хотя кто знает, вот я Майлзу тоже не подхожу. Он популярный, и язык у него хорошо подвешен, а я сильна только идиотскими поступками. Приятно знать, что я не единственная, кто ничего не понимает во всех этих любовных делах.

- Таким темпом мы закончим, когда нам стукнет лет по восемьдесят, - говорит Джесс, переводя взгляд на сцену. - С каждым годом только хуже. Когда я начинал в девятом классе, все делалось как надо и было готово раньше срока.

Бо?льшая часть декораций выкрашена в темно-серый цвет, и только по краям - яркие граффити. Работы тут еще много, но все не так ужасно.

- Ой, да ладно. - Я пихаю Джесса в плечо, и он изгибает бровь. - Не так уж и плохо, че ты. Все успеете.

- Будем надеяться. - Он складывает руки на груди. - Иначе мы попали.

- Я смотрю, ты, как всегда, на позитиве, - качаю я головой, засовывая руки в карманы. - Слушай, давай как-нибудь встретимся и поболтаем. Может, за

обедом? Мы с тобой единственные ученики на типа руководящих постах.

– Давай. Вместе разберем твои заметки, – соглашается он с легкой улыбкой. – Только, наверное, одного перерыва нам на все не хватит.

– Я не специально! – говорю я. Боже, надеюсь, щеки у меня не красные. – Палумбо сказал делать, как я считаю нужным, так что я записываю все мысли, а потом разгребаю тонны заметок. Конечно, я не ожидаю, что Палумбо будет со всем соглашаться. На самом деле я все жду, что в один прекрасный день он попросит меня заткнуться.

– Симона, да все нормально, – смеется Джесс, держа руками наушники. – Я просто прикалываюсь.

Может быть, но, как по мне, это не очень похоже на шутку. Джесс явно не единственный, кто заметил, что я в режиссуре новичок.

– Эй, ребята!

Мы поворачиваемся на голос. Я почти отпрыгиваю назад, когда вижу у двери Майлза. И вся напрягаюсь.

– Чего? – спрашивает Джесс. Я не могу разлепить губы.

– Симону вызывают к директору. – Он бросает на меня незаметный взгляд. – Сказали, чтобы явилась сейчас же. Видимо, что-то серьезное.

Джесс поворачивается ко мне и выжидающе смотрит. Я пожимаю плечами. У директрисы я была всего раз, и то еще до того, как сюда перевелась. Она достаточно приятная. Не представляю, зачем она меня вызывает.

– Палумбо, я сейчас вернусь, – кричу я и бегу к дверям. – Джесс, ты пока подготовь декорацию для первой сцены, хорошо?

Дверь с шумом захлопывается.

– А директриса не сказала, зачем меня вызывает? – спрашиваю я Майлза, перекладывая блокнот в другую руку. – Потому что, если это надолго, мне нужно предупредить Палумбо...

– Симона. – В его голосе слышна улыбка, и я быстро перевожу на него взгляд. Он закусывает губу, так быстро, что я не уверена, действительно ли он улыбался. – Никого никуда не вызывают. Все в порядке. Я просто хотел тебе кое-что сказать.

– Что? – В груди снова трепещет. К разговору с директором я была готова, а вот с Майлзом наедине? Как говорится, это две большие разницы. – Что случилось?

Он делает шаг вперед, и я прижимаюсь спиной к стене. Надеюсь, я не раздавила чей-нибудь арт-проект. Майлз издает тихий звук, похожий на фыркание.

– Ты сбежала.

Я сглатываю комок в горле:

– Не понимаю, о чем ты.

Я прекрасно понимаю, о чем он. Все это время я только и делала, что в мельчайших подробностях прокручивала в голове случившееся.

– Ты задала мне вопрос. – Он приподнимает пальцами мой подбородок. – И ушла, а я не успел ответить.

Он трогает мой подбородок. Его пальцы трогают мой подбородок, как в фильмах, над которыми я стебусь с друзьями. Сейчас мне совсем не смешно. У него мягкие руки, как будто он не строит декорации все свободное время и не размахивает клюшкой на лакроссе. Мое сердце выпрыгивает из груди.

– Правда? – еле выдавливаю я. Каким-то чудом я все еще могу говорить. – Я подумала... не знаю... что ты не хочешь.

– Ну как ты... – Он замолкает и нервно сглатывает. – Симона, я совершенно точно хочу.

Я или сплю, или под кайфом. Или все вместе.

Я обвиваю его шею и притягиваю к себе. Он приникает губами к моим губам.

Не опирайся я на стену – уже давно бы оказалась на полу.

5

Майлз меня вчера поцеловал. Майлз вчера сказал, что хочет со мной на свидание, и потом снова меня поцеловал. Майлз меня поцеловал, сказал, что хочет со мной на свидание, снова поцеловал, и теперь мы вместе идем по коридору школы. По-моему, я попала в сказку. Вот что, наверное, чувствовала Трейси из «Лака для волос», когда наконец заполучила того парня. Что-то нереальное.

Конечно, мы не держимся за руки и все такое, но мы идем так близко, что касаемся плечами. И пусть никто не знает, что мы поцеловались, – неважно. Я не могу перестать улыбаться. Мы даже не разговариваем (не знаю, что я вообще могу сказать, не улыбаясь как ненормальная), но мне все равно. Достаточно просто быть рядом.

– У меня сейчас литература. – Я замедляю шаг. – Это наверху.

Он куксится как ребенок. Я же наверняка выгляжу как криповый клоун, который не может стереть с лица улыбку.

– Не переживай. – Я хлопаю его по плечу. Боже, кто так делает? Я что, доктор Фил? – Увидимся позже на репетиции, да?

– Ага. Жду не дождусь мюзикла дня. – Он наклоняется и целует меня в щеку. Мне пора на урок, вот только он не особенно торопится. Целоваться в губы приятнее, но мне нравится, как по щеке бегут мурашки. – До скорого, Симона.

Майлз идет по коридору, а я смотрю на его задницу. Или нет. Может быть. Я смотрю до тех пор, пока он не сливается с толпой, а затем наконец

поворачиваюсь к лестнице. До звонка остается всего пара минут.

В моей прошлой школе было невозможно пройти по коридору, не заметив знакомое лицо. Или пять. Здесь же встретить знакомого – редкость. Но сегодня у лестницы с кем-то разговаривает Эрик. Он поднимает на меня глаза, и я машу ему рукой. Он хмурится так сильно, что его лицо напоминает гримасу.

Я моргаю и карабкаюсь вверх по лестнице. Чувствую, Эрик всей душой ненавидит мои заметки.

* * *

– Ни фиги себе, Симона! Скорее рассказывай. Он хорошо целуется? Он тебя просто прижал к стенке и начал целовать? Что, прямо так?

Лидия практически визжит. Мы идем по коридору после занятий. Клавдия закатывает глаза, но молчит. Я наклоняю голову, пытаюсь скрыть улыбку. Это было вчера, но я все еще чувствую вкус его губ.

– Ну, он выдернул меня с репетиции, сказал, вызывают к директору, – говорю я. Какое ужасное клише – обсуждать парня с подругами. Но мне все равно. – Клянусь Кейт Бланшетт, я думала, что прямо там и растаю.

– Ты все так драматизируешь, – ворчит Клавдия, прислоняясь к шкафчикам. – Вы с этим парнем меня поражаете. Почему ты не хочешь встречаться с кем-нибудь, кто активно избегает лакросса, как любой нормальный человек? Вот у моего брата, по-моему, сейчас нет девушки.

Мой шкафчик находится в том же коридоре, что и шкафчик Клавдии, и, скорее всего, только поэтому я смогла сама найти его в свои первые недели в школе.

– Ты прямо как ходячая реклама, – говорю я. – К тому же разве Хулио не старше нас лет на пять?

– А разве ты не должна искать свой информационный пакет молча? – передразнивает она. – Как ты умудрилась забыть, кто твой консультант по профориентации?

– Не знаю! – Как там этот шкафчик открывается? Я кручу налево, направо и снова налево. Дверца распахивается с первой попытки. Клавдию это, похоже, нисколько не впечатляет. – В моей прошлой школе нас распределяли по фамилиям. А здесь все как попало.

– Это не так уж сложно, – говорит Клавдия.

– Так, не отвлекайся, – фыркает Лидия. – Рассказывай, как все было!

– Вообще, он меня немного напугал с этим директором, – признаюсь я, выбрасывая целую кипу листков в мусорную корзину. Я здесь учусь всего пару месяцев, а уже такой бардак развела. – Я думала, что-то случилось с родителями или типа того.

– Ну ты ему сказала, что он тебя напугал? – спрашивает Клавдия, скрещивая руки на груди. – Я бы обязательно сказала.

– А как же, – отвечаю я, но мне хочется смеяться. Поцелуй длился всего минуту, от силы две, а я до сих пор о нем думаю. – Но это было так хорошо. Лидия права: когда ты с кем-то, кто тебе нравится, все по-другому. Лучше. Но слушайте, обещайте, что не будете говорить об этом в субботу за ужином. Иначе мои папы никогда не оставят меня в покое.

– Да ладно! – ахает Клавдия. – Ты, случаем, не рассказываешь это нам для того, чтобы продвигать тут свою гетеронормативную повестку?

– Ничего я не продвигаю, – шаря рукой под учебником, возражаю я. – Я вообще-то пытаюсь не быть все время такой натуралкой...

С подругами я обсуждала только Майлза. Будет странно сейчас начать рассказывать о Саре, как будто я даю задний ход и пытаюсь выставить себя совершенно другим человеком. К тому же Клавдия слишком любит надо мной подшучивать. Наши отношения полностью построены на стебе друг над другом. Но если она начнет смеяться над моими чувствами к Саре, я не смогу просто отшутиться.

– Ой, Мони. Что так грустно? Мне тоже нравятся парни, – говорит Лидия. – Может быть, стоит рассмотреть все варианты?

Я закусываю губу. Она много раз западала и на девушек, и на парней. У меня все не так. Девушки – ну или те, кто выглядит как девушки, – мне кажутся симпатичными, но это не значит, что я каждый раз влюбляюсь. К тому же в основном я западаю на знаменитостей, а они, как говорит Клавдия, не считаются.

Только с Сарой я была точно уверена. Но вряд ли одного раза достаточно, чтобы считать себя бисексуалкой, как Лидия.

– Парни – отстой, – продолжает Лидия. – Иэн столько всего не умеет, типа...

– Воу, ни фиги себе! – встревает Клавдия. – А я вообще-то прикалываюсь. Бедный Иэн. Если тебе от этого легче, я тоже не очень хорошо делаю Эмме куни, но стараюсь, потому что люблю ее.

Я поднимаю брови. Лидия склоняет голову набок.

– Чего? – вопросительно смотрит она. – Как будто я не могу заниматься сексом. Могу. Просто мне не нравится, но если ей хочется, я могу потерпеть... Слушай, все сложно, окей?

Секс идет после поцелуев, так ведь? Я не знаю, как все устроено, потому что у меня еще ничего, кроме свиданий, не было. Лидию послушать, так она со своими парнями сразу переходила к сексу. Даже Клавдия со своей девушкой чем-то занимаются. Может быть, я тороплю события, но знаю, что хочу снова поцеловаться с Майлзом. Вирус не передается через поцелуй, однако я-то уже знаю, что хочу не только целоваться. Что, если он тоже?

– Девчонки. – Я сжимаю дверцу шкафчика и разворачиваюсь к ним. – Что мне делать, если мы снова поцелуемся?

– Получать удовольствие? – Лидия морщит лоб. – Я не поняла. Тебе не понравилось, как он целуется?

– Конечно, понравилось. – Я стараюсь сдерживать вздох. Было бы легче, если бы они знали, почему я так нервничаю. – А что, если он захочет заняться сексом?

Лидия склоняет голову набок. Клавдия вскидывает брови. Они переглядываются.

– Симона, вы поцеловались один раз, – отчетливо выговаривает Клавдия, как будто я могу не понять. – Это еще не значит, что вы поженитесь.

– Но что, если...

– Я знаю, о чем ты, – осторожно говорит Лидия. – Поцелуй случился так быстро, и теперь ты переживаешь, что будет дальше. Но секс – это большой шаг. Можешь об этом не думать, пока вы не определитесь, насколько у вас все серьезно. Понимаешь, о чем я?

Оригинальный выход. Не думать? Может быть, я действительно тороплю события. Может быть, после вчерашнего ничего не будет, хоть я все еще и чувствую его поцелуй. Большая часть меня надеется, что дальше что-то все-таки будет – даже если это значит, что мне придется сказать ему правду, рискнуть и быть готовой расхлебывать последствия.

– Боже, ты посмотри на нее! – восклицает Клавдия, возвращая меня на землю. – Ты правда думаешь, что вы поженитесь!

– Вовсе нет!

– Очень похоже, что да, – говорит Лидия.

– Не могу понять, то ли он тебе так сильно нравится, то ли это просто недотраха, – заявляет Клавдия. – В любом случае, хороший вибратор тебе не помешает. Давайте все вместе зайдем в секс-шоп. Мне нужно купить для Эммы.

– Там разве документы не спрашивают? – напрягается Лидия. – Нам не продадут.

– А мы достанем поддельные, – отмахивается Клавдия. – Ну так что, в субботу?

– Девчонки, – ворчу я. – Вы не помогаете ни фиги.

– О, поверь мне, – широко ухмыляется Клавдия, – вибратор сотворит чудеса.

Я вздыхаю и поворачиваюсь обратно к шкафчику. Там по-прежнему беспорядок, и сложенные кучей бумаги так и норовят вывалиться наружу. Видимо, в первый день учебы у каждого для меня что-то нашлось: расписания, списки принадлежностей, правила, тематические планы. Глядя на эту бумажную гору, можно подумать, что я просто пихаю туда все без разбора. Я пробегаю глазами вдоль и поперек этого хлама в поисках синей папки. Найти что-нибудь в этом бардаке нереально. Несколько листков падают на пол. Я нагибаюсь, чтобы их поднять.

– Симона, камон. – Клавдия садится рядом на корточки и начинает подбирать бумаги. – Мы пытаемся помочь. Не хочу быть стервой, но... просто мы знаем, что у тебя в этом не так много опыта.

– Ну спасибо, – бурчу я, сгребая оставшиеся листки.

– Увидимся позже. – Лидия касается моей руки. – Ладно?

– Угу, – говорю я. Из стопки бумаг торчит сложенный вдвое желтый листок. Странно.

Лидия с Клавдией идут по коридору. Я хватаю информационный пакет одной рукой, а другой разворачиваю записку.

Читаю за несколько секунд. Потом перечитываю снова. Слова кружатся в моей голове, один раз, второй, третий, но их смысл до меня не доходит. Я просто держу записку в трясущихся руках и таращусь на выведенные каракулями строчки:

«Я знаю, что у тебя ВИЧ. Если ты до Дня благодарения не перестанешь ошиваться с Майлзом, это узнают и все остальные».

– Симона, будешь грызть ногти – занесешь инфекцию. Радость моя, мы же об этом говорили.

Я выдергиваю руку изо рта, но на папу не смотрю. Наверняка он уже заметил, что со мной что-то неладно. Мы едем в больницу Святой Марии, и за все это время я на него еще ни разу не взглянула. Мне кажется, что, если я на него посмотрю, он прочитает мои мысли. Понятно, что папа не против моего увлечения парнем, но вот записка? Да они с отцом школу в клочья разнесут.

Может быть, им и правда нужно вмешаться? Ведь тот, кто подбросил записку, за мной точно следил. Иначе как бы он узнал, где мой шкафчик? Спрашивается, и сколько это уже продолжается? Пару месяцев, с тех пор как я перешла в школу Пресвятого Сердца? С тех пор как Майлз устроился рабочим сцены? Или с тех пор как мы вчера поцеловались?

А что, если все узнают? Ну уж нет. Заново это я не переживу.

Но если мои родители пойдут разбираться к директрисе, она точно не будет единственной, кто узнает о моем положительном статусе. Обязательно услышит кто-нибудь еще: секретарь, охранник, может быть, даже учитель. И ведь иногда за дополнительные баллы в офисе директора работают ученики. Что, если услышит один из них и потом расскажет куче народа? Если родители пойдут разговаривать с директрисой, мою тайну может узнать вся школа.

А что, если это всего лишь дурацкая шутка и я делаю из мухи слона? Нет, я не могу сказать родителям о записке. Придется разруливать все самой.

Я даже не знаю, что я по этому поводу чувствую. Думала, буду переживать или злиться, но я просто оцепенела. Как будто то, что случилось в пансионе Матери Божией Лурдской, происходит снова, и я никак не могу это остановить. Но что-то же я должна сделать. Если все узнают, что у меня ВИЧ, то меня ждет кое-что похуже, чем оцепенение.

– О чем задумалась? – Папа делает поворот. – Предвкушаешь встречу с друзьями?

– Они мне не друзья, – фыркаю я.

– Да брось, это неправда, – говорит он, но в глаза мне не смотрит. – Мы с отцом считаем, что тебе важно общаться с другими ребятами.

– Такими же как я.

– Ну да. – Он бросает на меня взгляд. – Ты ничем не отличаешься от других, радость моя, и ты это знаешь. Просто есть вещи, которые не могут понять Лидия и Клавдия, которые не можем понять мы с отцом. Ну, ты знаешь, что я имею в виду.

– Я почти об этом не думаю, – возражаю я и даже почти не вру. – К тому же никто там не общается. Все сидят и дают односложные ответы, пока сессия не закончится.

Папа издает гортанный звук и заезжает на парковку. Больница находится близко от дома, отцу легко добираться сюда по утрам. По крайней мере, я могу не беспокоиться, что здесь окажется кто-нибудь из моей прошлой школы: это слишком далеко и неудобно. Пока я там жила и училась, к врачу мне все равно приходилось ездить, но зато группу взаимопомощи можно было пропускать.

Никогда не думала, что здесь можно встретить кого-нибудь из моей новой школы, но, пожалуй, вариант реальный. Это бы объяснило, как кто-то узнал, что у меня ВИЧ. Эх, как бы я хотела, чтобы мне не нужно было об этом думать. Между работой отца, волонтерством папы и моей группой больница Святой Марии стала нам вторым домом. И криповому сталкеру нехрен здесь делать.

– Кто-то сегодня не в духе. – Папа бросает на меня взгляд. – Ты уверена, что не хочешь со мной поговорить?

– Уверена, – бурчу я. Но глаз не поднимаю. Вместо этого я смотрю на его рубашку. В ответ с рубашки на меня смотрит Принс во всем своем пурпурном великолепии. – Просто я ненавижу сюда ходить.

– Ох, Мони. – Он кладет руку мне на плечо. – Ну, все не так плохо.

Вообще-то все так плохо. Встречи группы взаимопомощи проводятся каждую среду в одной из переговоров в задней части здания. Наверное, здесь врачи

обсуждают то, что нельзя открыто сказать в приемной. Хоть мы и далеко от основных помещений больницы, сюда все равно просачивается запах антисептика. В комнате нас примерно десять человек. Мы сидим на расставленных в круг пластиковых стульях.

Встречи ведет Джули, недавняя выпускница колледжа. Сейчас она подкатывает к нам в кресле на колесиках. У нее нет ВИЧ, так что все, что она говорит, раздражает еще больше. Потому что она не тру, ей нас не понять. Но сегодня она принесла пончики – значит, есть шанс, что я смогу ее выдержать.

– Привет, ребята, – говорит она, передавая коробку сидящему рядом парню. – Как дела?

Все отвечают одновременно, но звучит это как вялое бормотание. Я знаю, что Джули старается (почти уверена, что она купила эти шоколадные пончики на свои деньги), но душу я тут еще ни разу не изливала и сегодня этого делать не собираюсь.

Джули хлопает в ладоши:

– Отлично! Ребята, сегодня у нас в гостях моя добрая подруга.

Она показывает на сидящую рядом с ней девушку. Чернокожую, с приветливым лицом, с которого будто не сходит улыбка, и опрятными короткими кудряшками. Кого-то она мне напоминает, хотя не исключено, что я ее с кем-то путаю.

– Если вы давно ходите в группу, то, может быть, помните Алишу, – говорит Джули, похлопывая гостью по руке. – Она сюда ходила, пока не стала слишком старой.

Ребята рядом со мной вяло смеются, и я тоже. Кажется, Алише исполнилось восемнадцать, когда мне было тринадцать или четырнадцать, но я и подумать не могла, что она когда-нибудь придет сюда еще раз. Я была уверена, что после выпуска все занимаются чем-то крутым, а не продолжают ходить на встречи группы.

– Привет, – машет нам Алиша. Теперь я смотрю на нее с интересом: она и правда выглядит старше. Мешки под глазами, новые морщинки. И все же она выглядит радостной. – Просто не верится, столько знакомых лиц... и столько новых!

Она говорит о Джеке и Бри. Их я здесь вижу чаще всего; наверное, их, как и меня, заставляют ходить сюда каждую неделю. С Джеком трудно оставаться негативной, у него такие жемчужно-белые зубы и ямочки на щеках, когда он улыбается, что я стараюсь на него не смотреть. Другое дело Бри, она все время сидит, скрючившись в три погибели. Думаю, у нее специально такая длинная челка – она за нею прячется. Я знаю о них какие-то случайные факты: Бри занимается танцами, а Джек, как старикан, играет в гольф, – но мы не дружим.

– Давайте я немного расскажу вам о себе, – говорит Алиша, убирая за ухо кудряшку. – Э-э, мне двадцать два года. У меня есть муж. В прошлом году у нас родился сын, и он самый очаровательный малыш на свете. А еще я сейчас учусь на магистра педагогических наук.

Раздаются редкие аплодисменты, но я хлопаю так громко, что у меня горят руки. Может, прозвучит ужасно, но от ребят в этой группе я ничего не жду. Когда они перестают сюда ходить, я их больше не вижу и не знаю, что с ними: живы они, мертвы или еще что. Но вот Алиша жива. И, что еще интереснее, у нее есть муж... и ребенок.

Вообще, конечно, мои родители не говорили, что у меня этого никогда не будет. Я сама так решила. Интересно, могу ли я спросить Алишу, каково это, когда кто-то хочет быть с тобой так сильно, что им наплевать на вирус. Наверно, это будет крипово. Но меня так и подмывает спросить.

Не думаю, что кто-то захочет со мной встречаться, когда узнает мой статус. Наверное, было бы легче встречаться с кем-нибудь, кто тоже ВИЧ-инфицирован, но если и искать кого-то, то уж точно не здесь.

Единственный реально симпатичный парень в группе – это Ральф. Но я уже с ним сходила на одно свидание и выяснила, что он меня нереально бесит. Он объяснял мне всё – как работает Wi-Fi, как работает реклама, как работает библиотека, – как будто я с луны свалилась и не слышала про гугл. И ладно бы только это, так еще и поцелуй был такой слюнявый, будто меня облизала собака. Сегодня он сидит напротив Алиши, мрачно сложив руки на груди. Он что,

думает, он тут в жюри – оценивает ее выступление? Фу, терпеть его не могу.

– Я попросила Алишу к нам прийти, чтобы показать, какой яркой может быть ваша жизнь, – наклоняясь вперед, вещает Джули своим убедительным тоном. – Я знаю, что говорю это вам каждую неделю, но ВИЧ – не смертный приговор. Просто нужно...

– Принимать лекарства, – почти в унисон произносим мы.

– Не хочу звучать как заезженная пластинка, – говорит Алиша со смехом в голосе, – но это и правда очень важно. Я даже почти об этом не думаю. Просто принимаю их каждый день в одно и то же время, как и любые другие таблетки, вот и все.

Любые другие. На ум приходят только противозачаточные Лидии.

– У меня был друг, мы познакомились в группе взаимопомощи, – продолжает она, чуть меняясь в лице. – Нам стукнуло восемнадцать, и он решил, что больше не будет принимать лекарства. Сказал, что хорошо себя чувствует и без них.

В комнате стоит тишина. Мы все знаем, что будет дальше.

– Он заболел пневмонией и не мог дышать без трубки во рту. – Она смотрит в пол перед собой. – После того как он перестал получать достаточно кислорода, у него что-то случилось с глазами. Его окружали любимые люди, но он этого уже не видел. Через восемь месяцев он умер.

Я ненавижу слушать эти истории. Знаю, что это реальная проблема, но я-то не пропускаю прием таблеток. Почему я должна каждый раз терпеть это дикое наказание?

– Иногда происходит ужасное, – говорит Алиша. – Зато удивительное и интересное происходит постоянно. Каждый день я занимаюсь любимым делом и живу с любимыми людьми. У меня есть муж, сын и любимая работа. То есть я пытаюсь сказать, что это еще не конец света. И я здесь, чтобы вам это доказать, – можете у меня спрашивать всё что хотите.

Моя рука взлетает вверх, прежде чем я вспоминаю, что собиралась сохранять спокойствие. Джули кивает в мою сторону.

- Ну, типа, - мямлю я, - может, немного странный вопрос...

- Ничего страшного, - улыбается Алиша. - Я готова к странным вопросам.

- Хорошо, - говорю я. - Э-э, вам было трудно, типа... э-э, зачать ребенка?

Ральф - единственный, кто смотрит на меня так, будто я странная. Это победа, я считаю.

- Ой, совсем не трудно. - Алиша откидывается на спинку стула. - Ты же знаешь про принцип «Н = Н», да?

Я киваю. По-моему, все здесь про это знают. Если бы еще у меня вирус был «неопределяем»...

- Ну вот, у меня получилось забеременеть естественным путем, - продолжает она. - Моя вирусная нагрузка была - да и сейчас тоже - неопределяема, и мой муж сначала хотел попробовать так.

- Подожди, - говорю я. - Seriously? Без искусственного оплодотворения и всякого такого?

- Угу, - кивает она. - Все сразу получилось.

Воу. Я сползаю по стулу. Я всегда думала, что не смогу иметь детей без специализированной помощи. Оказывается, принцип «Н = Н» применим и здесь. Это просто взрыв мозга.

- Так, - произносит Джули, - уверена, что у вас еще много вопросов, но давайте к ним вернемся чуть-чуть попозже. По-моему, вопросы Симоны как нельзя лучше подвели к нашей сегодняшней теме: отношения.

Снова тишина. Я не могу прочитать выражение лица Бри, ее глаза скрыты челкой. Джек устался на свои колени. Ральф хрустит костяшками пальцев.

Пара тринадцатилеток смотрят на Алишу с выпученными глазами, но я не знаю, о чем они все думают. Переживают ли так, как я?

– Я хочу, чтобы вы знали, что отношения возможны, – продолжает Джули. – Просто могут возникнуть некоторые трудности. Может быть, кто-то из вас уже с этим столкнулся?

– О да! – заявляет Бри, откидывая волосы с лица. Я почти подпрыгиваю от удивления, наконец увидев ее ясные карие глаза. – Поцелуй это или секс, неважно, ты по-любому в полной жопе. А если доверишься кому-нибудь до того, как это случится, то тебя бросят и пойдут трезвонить об этом всем вокруг.

Я вздрагиваю. Она права, но... блин.

– И если тебя бросили, то начинай все заново с другим, – продолжает она, загибая пальцы. – То есть если я хочу заняться сексом с пятью парнями и каждому из них скажу, что у меня ВИЧ, это будет плюс пять парней, кто теперь в курсе о моем статусе, а я так ни с кем из них и не перепихнулась.

Я вообще ни с кем не перепихнулась, а мне уже какой-то рандомный крип подбросил в шкафчик записку.

– По-любому! – Я подпрыгиваю от голоса Джека. Он не то чтобы кричит, но я еще ни разу не слышала, чтобы он так громко говорил. – И если скажешь не сразу, а уже после, то они натравят на тебя разъяренную толпу.

Бри смеется и, будто смущаясь, прячет лицо. У Джека розовеют щеки. Ральф закатывает глаза.

– Ну, каждый имеет право реагировать так, как хочет, – осторожно замечает Джули. – Главное, чтобы партнер знал о вашем статусе до любого контакта сексуального характера, даже если вам трудно об этом говорить. Это может сбить с толку и даже шокировать. Но это нормальная реакция.

– Так не должно быть, – бурчу я, уставившись на свои колени. В руке у меня пончик, который я еще даже не попробовала. – Что в этом такого? Не они же живут с вирусом. И заразиться шанс совсем маленький.

- Но шанс все же есть, - возражает Джули. - Все не так просто.

- Да, но какой? - Я наклоняюсь вперед. - Если вирус неопределяем, то он непередаваем. Разве мы об этом не говорили буквально на прошлой неделе?

- Симона...

- Типа, вот я оказалась в ситуации, в которой у меня может случиться секс, тогда я возьму с собой пять презервативов, если им так будет спокойнее, - не унимаюсь я. - Уровень моей вирусной нагрузки неопределяем. А если и этого недостаточно, то они могут выпить те специальные таблетки.

- Ой, ладно, не драматизируй, - со скучающим видом произносит Ральф, хрустя костяшками пальцев. - Если с тобой не хотят заниматься сексом, не надо уговаривать. Это выглядит просто жалко.

- Я вообще не об этом. - Кажется, у меня дергается глаз. - Я говорю, что буду готова, если захочу заниматься сексом. Это не значит, что я собираюсь кого-то упрашивать.

Ральф щурит на меня глаза. Я могла бы сказать, что у него сегодня просто плохой день, но быть придурком - это его отличительная черта в любой день.

- Все верно, - поддакивает Бри, отвлекая меня от этой небольшой дуэли взглядов. - Мы готовы, потому что нам по-другому нельзя.

Алиша вдруг начинает смеяться.

- Как мне здесь нравится, - говорит она. - Ребята, вы просто супер. Все знаете. Хотела бы я в свое время быть как вы.

Джули откашливается. Ее лицо покраснело, но на этот раз мне не стыдно. Ничего такого я не сказала. Я откусываю пончик.

- Ладно, - произносит она ровным голосом. - Теперь давайте поговорим о безопасном сексе. Хорошо?

Я откидываюсь на спинку стула и складываю руки на груди. Пожалуй, на моей памяти это лучшая сессия группы, потому что Джули не доминирует в разговоре. Я рада, конечно, что она старается, но она просто не знает, каково это. А эти ребята знают. Хоть мы и не друзья, они понимают. Похоже, папа прав – только я никогда ему в этом не признаюсь.

После сессии большинство ребят сидят в телефонах и ждут родителей. Только несколько счастливиц могут сами уехать домой.

– Тебе все еще нравятся мюзиклы или как?

Я морщусь от звука его голоса, а потом медленно оборачиваюсь. Руки Ральфа скрещены на груди, и весь вид у него такой строгий, будто он – учитель и сейчас отчитывает меня за несоблюдение дресс-кода.

– Угу. – Я засовываю руки в карманы. Надеюсь, если я буду отвечать односложно, он не будет со мной разговаривать.

– Надо нам как-нибудь сходить погулять.

– Не думаю.

– Почему? – Он кривит рот. – В прошлый раз было весело.

– Болеть пневмонией было веселее, чем слушать, как ты на «Безумном Максе» болтаешь весь фильм. – Я достаю мобильный. Если родители не появятся прямо сейчас... – Ральф, без вариантов.

– Тебе обязательно быть такой стервой? – Он подступает ближе, почти прижимая меня к стене. – Я просто спросил. Глядишь, у тебя бы и с сексом заладилось, если б ты научилась вести себя поприветливее.

– Че ты вообще несешь? – огрызаюсь я. Если бы Джули все еще была здесь, она бы вмешалась, но остались только я и он, да еще несколько ребят с вытаращенными глазами. – Я такая стерва только с тобой, потому что ты нарываешься.

Мой телефон пищит. Я даже не читаю сообщения и, едва увидев имя отца на экране, резко разворачиваюсь и иду к двери.

7

Есть несколько секретов, которыми я не готова так просто делиться. Понятно, что один из них – это мой ВИЧ-статус. А вот другой: я не знала, как мастурбировать, пока одна подружка меня не научила. Мы зашли в комнату вместе с ней и Сарой. Заперли дверь – нарушая правила пансиона Матери Божией Лурдской, – она открыла в тамблере фотки парней из «Дневников вампира». Потом я легла на кровать, укрылась одеялом, и она мне все подробненько объяснила.

Стыдно ужасно, но блин, восьмой класс. Что вы хотите?

Сейчас я это делаю немного по-другому – в основном беру другой иллюстративный материал. Клавдия надо мной посмеялась, но вот мне нравится смотреть на фотографии белых стариканов, когда они были в самом расцвете сил. Можете говорить обо мне что угодно, а Брюс Уиллис, Харрисон Форд и Ричард Гир в молодости были очень даже ничего. Иногда в подборку добавляется Кейт Бланшетт, но Клавдия говорит, что это не считается.

– Это же Кейт Бланшетт, – категорично заявила она тогда. Это был последний раз, когда я завела с ней разговор о том, что мне нравятся девушки.

После я смотрю в потолок. Дом у нас не широкий, а скорее высокий и узкий, и моя комната располагается на самом верху. Раз я так далеко, родителям меня не слышно. Ну или, по крайней мере, я так думаю. А если и слышно, то спасибо им большое, что ни разу ничего мне про это не сказали. Обычно после того, как я кончаю, в голове наступает ясность. Совсем как сразу перед сном: никаких мыслей, никаких тревог. Сейчас же я не могу перестать думать. Может быть, это ужасно, но я завидую своим друзьям.

Клавдия асексуальна, и я знаю, что в отличие от меня она не проводит каждое утро, думая о сексе. С другой стороны, есть Лидия, которая развлекается с

бойфрендом всегда, когда ее родителей нет дома. А у меня ситуация – ни то ни се.

На прошлой неделе учительница биологии долго рассказывала о том, что девушки должны в свои формирующие годы открывать себя и заводить близких друзей. Дружба, сказала она, приносит такое же удовлетворение, как и любовные отношения. Наверное, она права. Я так благодарна, что у меня есть Лидия и Клавдия. Я их люблю не могу, но не в романтическом смысле. А без них мне так одиноко, что даже трудно описать.

Я заставляю себя подняться. Сегодня суббота, а значит, через час я должна быть на репетиции, где увижу Майлза. Я думала, что после нашего поцелуя чувство одиночества уйдет, но оно лишь превратилось в другое чувство – вождление. Теперь я знаю, что у меня есть шанс заняться с ним сексом, и от этого только хуже, потому что я не перестаю надеяться. Даже если это значит, что мне придется ему рассказать.

Большинство людей боится заразиться вирусом. Если я скажу Клавдии и Лидии, им не о чем переживать, ведь мы с ними не собираемся обмениваться «жидкостями». С Майлзом другая история.

К тому же теперь мне еще нужно выяснить, кто написал эту дурацкую записку. Я понятия не имею, с чего начать. С девятиклассников в драмкружке? Не, вряд ли у кого-то из них хватит терпения оставить записку в шкафчике и ждать, пока я ее прочитаю. Мисс Клейн? Сомневаюсь. Она невыносима, но не зловредна. Кто еще это может быть?

– Ну почему все так сложно? – вслух спрашиваю я. Лишь постер «Аиды» смотрит со стены в ответ.

Все, что я сейчас чувствую, – раздражение, сексуальное возбуждение – обостряется на репетиции. словно зуд где-то внутри, который я никак не могу унять, он сводит с ума. «Богема» – отличный мюзикл, но, живя им каждый день, я не могу не думать про друзей моих родителей, о которых они упоминают лишь изредка, тех, кто умер до того, как я успела их узнать. Потому что никому не было дела до больных СПИДом геев.

Эпидемия – это так страшно, просто уму непостижимо. Как фильм ужасов, что надолго остается со мной липким страхом, от которого трясутся колени и сводит живот. Эпидемия кажется чем-то абсолютно невероятным. От того, что это реально, это случилось, мне хочется схватить народ на сцене и кричать: «Вы понимаете, как это серьезно? Это вам не просто мюзикл, который кто-то придумал, это чьи-то жизни».

Мало того, сегодня мисс Клейн зациклилась на отработке «Seasons of Love», а потому останавливает и начинает песню снова и снова. Мистер Палумбо безмолвно за нами наблюдает, и губы его сжаты в тонкую линию. Я решаю заглянуть за сцену. Я могла бы притвориться, что проверяю всех рабочих сцены, но это было бы пустой тратой времени. Как только я захожу за кулисы, мои глаза видят только Майлза.

На нем черная футболка и темные джинсы. Он складывает руки на груди, и на его запястьях вздуваются вены. Я сглатываю комок в горле. Если бы вокруг никого не было, я бы зацеловала его до потери пульса.

Он двигает на сцену одну из декораций, огромную, гораздо выше него. Устанавливает на место, потом берет в каждую руку по скамейке. Кусочками ярко-синей ленты на полу отмечено, куда ему нужно их поставить. Ловко уворачиваясь, народ разбегается в разные стороны. Жесткие декорации обычно не такие уж тяжелые, все же рабочие сцены сами их строят из дешевой фанеры и других облегченных материалов, но весят они все равно прилично, и передвигают их, как правило, по двое. И только Майлз – в одиночку. Это нереально горячо, но, пожалуй, мне стоит с ним об этом поговорить. Все знают о его травме. Не хватало, чтобы ему стало хуже.

Я прочищаю горло:

– Глазам не верю, как это Джесс дал тебе двигать все это одному.

Он ставит скамейки на место и смотрит на меня с улыбкой. Я хочу впиться в нее своими губами, прямо здесь, прямо сейчас, у всех на виду.

– Да все нормально, мне не тяжело, – говорит он, вытирая руки о джинсы. – Не так тяжело, как запоминать слова.

- Ну правильно. Чтобы запомнить, нужны мозги.

- Хочешь сказать, у меня их нет?

Я делаю страшные глаза. Но держусь всего пару секунд, а потом расплываюсь в улыбке.

- Я сражен. - Он хватается рукой за сердце. - Пусть у меня нет мозгов, но зато у меня дофига опыта. Знаешь, что я делал в лакроссе?

- Толкался, - пожимаю плечами я. - Ты это, по-моему, уже говорил раз или два.

- Ну да, потому что в лакроссе это важно.

Он делает шаг ко мне и встает рядом. Я смотрю вниз и больше не слышу, что он там говорит. Наши руки так близко. Он это специально, да? Мы уже целовались. Держаться за руки - это же типа ерунда по сравнению с поцелуем? Я же могу взять его за руку?

- Алло, Симона? - раздается его голос прямо над моим ухом. - Прием.

Я быстро хватаю его ладонь. Моя наверняка потная и липкая, но он руки не отдергивает. Его пальцы сплетаются с моими. Я закусываю губу, чтобы сдержать расплывающуюся от уха до уха улыбку.

Это называется, я собиралась держаться от Майлза подальше. Честно говоря, не думаю, что смогу. Я поднимаю взгляд, но не на Майлза. Я оглядываюсь кругом. Кто-то подметает стружку, кто-то красит заднюю стену. Никто не обращает на нас внимания. Если бы подкинувший записку был здесь, уверена, он бы на нас сейчас смотрел. Наверное, это значит, что его здесь нет.

- Знаешь, - произносит Майлз громким сценическим шепотом, - мы пропустили мюзикл дня вчера и позавчера.

Это потому что позавчера мы целовались.

– А я все думала, насколько тебя хватит, – признаюсь я, наблюдая, как он раскачивает нашими переплетенными руками взад и вперед. Если бы я увидела кого-нибудь еще, стоящих вот так, точно бы расхохоталась. Да и сейчас меня немного подмывает засмеяться, но не только из-за нашего дурацкого вида. – Ты не то чтобы прямо увлекаешься театром.

– Ну, в смысле... – Майлз на секунду замирает. – Я не то чтобы прямо не люблю театр...

– Да ладно, Майлз, – говорю я, сжимая его ладонь. – Ты даже не знаешь, чем отличаются «Волосы» от «Лака для волос».

– Что правда, то правда. – Майлз смотрит на наши руки. – Только вот... не знаю. Я еще не встречал никого, кто бы так серьезно увлекался постановками.

Конечно, я не жду от него экспертных знаний. Он не должен хорошо разбираться в мюзиклах и спектаклях, только потому что я схожу с ума по ним и вообще всему, что происходит на сцене. Это моя стихия. Мюзиклы – как другой язык, на котором мне изъясняться легче, чем на родном английском. Единственный минус – иногда труднее общаться с немзыкальным народом.

Когда я была маленькой и все время проводила в больнице, папа и отец без конца смотрели со мной «Волшебника страны Оз», пока я не выучила наизусть все песни. А перед тем как пойти в эту школу, я всю неделю на рипите слушала «Дорогого Эвана Хансена». Мюзиклы – это то, что помогает мне собраться, когда все вокруг кажется бессмысленным. Каждому нужно что-то такое для утешения.

– Ну дык. – Я выразительно оглядываюсь по сторонам. – Добро пожаловать в драмкружок.

– Нет, в смысле, мне нравится, как ты рассказываешь о мюзиклах. – Под его пристальным взглядом я застываю на месте. – Джесс тоже любит мюзиклы, но он не говорит о них так как ты. С восторгом. У тебя прямо глаза горят и все такое. Да я чаще всего даже не знаю, о чем ты рассказываешь, но хочу тебя слушать.

Мой рот открывается, но я не издаю ни звука. А я-то думала, что он слушает просто из вежливости. Похоже, не только...

– Я что-то не то ляпнул, да? – Он облизывает губы. – Ты...

Однако не успевает закончить. Тяжелые шаги Джесса прерывают его на полуслове.

– Майлз, – выговаривает он, запыхавшись. – Нужно, чтобы ты передвинул... О, Симона! Я думал, ты в хоровой с Палумбо.

Дело в том, что на Джесса невозможно сердиться. Я никогда не слышала, чтобы он о ком-то говорил плохо, что просто нереально, потому что все мы иногда срываемся. Будь это кто-нибудь другой, я бы ляпнула что-нибудь грубое, чтобы он свалил. Вместо этого я отпускаю руку Майлза, не обращая внимания на его вопросительный взгляд.

– Угу, мы тут просто... – Я замолкаю и засовываю руки в карманы. Что мы тут просто? Разговаривали?

Майлз поворачивается к Джессу:

– Нужно снова передвинуть декорации квартиры?

– Ага, – кивает Джесс. – Это только ты можешь.

Они уходят к занавесу, а я прислоняюсь к стене. Вот это речь Майлз задвинул. Что я могу на это ответить? Мне нравится твоя задница? У него, значит, сплошные мимими и ваниль, а я только и думаю о том, как бы его поцеловать.

Я глубоко вздыхаю и бегу за ними.

Майлз в последний момент оборачивается:

– Симона? Что...

Я хватаю его за футболку. В голове прокручивается романтический поцелуй: он склоняется мне навстречу, на фоне играет музыка. Но мы же не в кино – голову он не наклоняет, и я утыкаюсь лицом ему в грудь.

– Я хотела это... – Я делаю неопределенный жест свободной рукой. – Э-э-э.
Можно тебя на минутку?

Майлз опускает голову. На секунду мне кажется, что он злится, но потом я вижу, что его плечи беззвучно трясутся от смеха.

– Не смейся! – Я отпускаю его футболку и отступаю на шаг. – Я не знаю, как это делается.

– Без проблем. – Его лицо смягчается. – Если хочешь, давай позже увидимся. И не на минутку, а подольше.

Это может значить все что угодно. Я, конечно, сразу думаю о сексе и тут же вспоминаю о записке, отчего тут же сводит живот, – но отгоняю эти мысли прочь.

– Хочу, конечно, но не могу, – говорю я и делаю еще один шаг назад. – Позже я занята. Мы с друзьями пойдем... В общем, нужно там кое-что сделать. Я не гоню, честно.

Майлз, может быть, и крутой чел, но ему я точно не скажу, что собираюсь провести вечер субботы с друзьями в секс-шопе. Не хочу его спугнуть. Да и вообще было бы неплохо провести эту пару часов без него и разобраться, что мне, блин, делать с этой дурацкой запиской.

– Майлз? – зовет Джесс.

– Ну хорошо. Пожалуй, я тебе верю. – Майлз оборачивается на голос Джесса. – В другой раз?

Я улыбаюсь. Не могу удержаться:

– Договорились!

Даже в поезде, уносящем меня от забот, мне все равно трудно забыть о записке. Никак не могу перестать о ней думать. Я сижу между Лидией и Клавдией, но не обращаю внимания на их болтовню. Я смотрю в окно. Кто мог ее написать? Кто вообще мог узнать, что у меня ВИЧ? Может, меня видели в больнице? Представить не могу, что кто-то тратит свое время, чтобы за мной туда тащиться. Может быть, этот кто-то уже там был? Навещал больного родственника или типа того?

- Эй, Симона. Земля вызывает Симо-ону-у-у.

Поезд замедляет ход, и Лидия сжимает мою руку.

- Все нормально? - спрашивает она. - Ты сама не своя.

- Да она поди думает про «Сундук наслаждений», - говорит Клавдия, пихая меня в плечо. - Предвкушаешь?

- Еще бы! - Я с радостью перескакиваю на другую тему. - Слушай, если это была твоя идея, разве ты не должна мне купить все, что я захочу?

- Ага, щаз-з-з! - смеется она, пока мы выходим на станции. - Мы возьмем один вибратор для тебя и один для моей девушки, чтобы вы, две похотливые дамочки, немного угомонились.

Пансион Матери Божией Лурдской располагался в двух часах езды от Сан-Франциско, поэтому у меня особо не было возможности выбираться с друзьями в город. Я никогда не приезжала сюда надолго, чтобы хватило времени разведать все крутые места. А во время школьных каникул я обычно ездила с родителями в Нью-Йорк. Сейчас мы с подругами идем в местечко под названием «Сундук наслаждений», в самом сердце города, кажущегося мне новым миром. Я вне себя от восторга.

- А что, если я не хочу «угоманиваться»? - возражаю я. - Что, если я хочу с кем-нибудь перепихнуться?

- Ну блин. - Клавдия качает головой. - Тогда сорян, ничем не могу тебе помочь.

– Боже мой! – восклицает Лидия. – Вы двое... поверить не могу. Вы это серьезно?

– Ты о чем? – Я грозно на нее кошусь. – Мы же все время говорим о сексе.

– Угу, вот только сегодня мы идем в магазин, где продаются резиновые члены. – На Лидии зачем-то плащ, хотя на небе ни облачка. – Почему нельзя просто купить вибратор онлайн, как все нормальные люди? Ведь даже не факт, что нас туда пустят.

– А вот как раз для этого у нас есть фальшивые удостоверения, Лидия. – Я толкаю ее плечом. – Не чтобы голосовать или пить алкоголь, а чтобы покупать вибраторы своим девушкам.

Клавдия кивает:

– Применение лучше сложно придумать.

Лидия фыркает:

– С вами просто невозможно ходить по улице.

Уже почти у магазина Клавдия подносит палец к губам. Мы проходим мимо группы белых растаманов с дредами, мимо больших разноцветных домов и китайской забегаловки. В витрине «Сундука наслаждений» нет эротического белья – немного жаль, конечно, зато у входа встречаются продавцы. Я всегда думала, что в секс-шопах работают только женщины, но я вижу и мужчин. Видимо, их тоже интересуют игрушки.

Я прыскаю со смеху. Лидия одаряет меня таким взглядом, будто читает мои мысли. Клавдия открывает дверь.

– Добрый день! – Перед нами вырастает жизнерадостная блондинка. – Покажите, пожалуйста, ваши документы.

Ну окей, вот этого я не ожидала. Когда Клавдия настаивала, что нам нужно взять фальшивые права, я думала, что она драматизирует. Не знаю, где она их достала, и знать не хочу. За что Клавдия ни возьмется – всегда все сделает. И

как именно – не мое дело.

Лидия бросает на меня полный паники взгляд. Я хлопаю ее по карману, напоминая про удостоверение, и достаю свое.

Наступает неловкое молчание, пока блондинка проверяет и возвращает нам наши карточки, одну за другой. Если она и видит, что они поддельные, то вслух ничего не говорит. Может быть, она понимает, что у девушек моложе восемнадцати тоже есть потребности.

– Отлично! – улыбается она. – Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь ко мне – меня зовут Эшли – или к любому другому продавцу.

Лидия быстро хватает нас за руки и уводит вглубь магазина.

– Ты хоть знаешь, куда идешь? – с усмешкой спрашиваю я. Не понимаю, чего она так дергается. Здесь же не БДСМ-подвал, как в «Пятидесяти оттенках». Все выглядит как обычный магазин, например как аптека «СиВиЭс», пока не заметишь огромные дилдо, висящие на стенах. Причем самых разных цветов – желтые, зеленые, сиреневые, синие, – они развешаны радугой.

– Больше никогда сюда с вами не пойду, – шипит Лидия. – Даже не просите.

– Подумаешь, – пожимает плечами Клавдия, разглядывая полку с эротическим мылом. – Мы с Симоной и без тебя прекрасно проведем время. Симона, какого размера вибратор лучше взять, как думаешь? На аккумуляторе или на батарейках?

– По-моему, на аккумуляторе будет удобнее, – говорю я, рассматривая плакаты над головой. На них – расписание разных лекций по половому воспитанию и сексуальности. – Эй, может быть, сходим сюда на один из мастер-классов? Например, вот на этот – «Основы пятой точки: вводный курс для начинающих». У меня всегда по задницам были вопросы.

– Девчонки, – ноет Лидия, – почему нельзя просто погуглить все у меня дома?

– Ну, это не так весело, – говорю я. – Попробуй поменять отношение.

Я поворачиваюсь и иду в соседний ряд, завешанный яркими плакатами:

– Смотри! А тут написано: «Давайте, и дастся вам» – по-моему, это из Библии. Ты же не стыдишься Слова Божьего, правда, Лидия?

Клавдия хихикает и хватает меня под руку. Мы подходим к розовому столику в углу. Черный манекен облачен в костюм из красной кожи. Вокруг него веером разложено нижнее белье. Подойдя еще ближе, я вижу, что соски манекена украшены блестками. Никто ничего не говорит, и я не знаю, как на это реагировать. Представить не могу, что кто-то это реально покупает. Я бы в таком виде ни перед кем не показалась, ну разве что в шутку перед Лидией и Клавдией.

– Что мы забыли в отделе БДСМ? – спрашивает Лидия из-за моей спины. – Мы пришли за вибратором. Разве так сложно найти вибратор в секс-шопе?

– Пойдем поищем в отделе для квиров. – Клавдия хватает меня за руку и тащит в другой ряд. Я удивленно моргаю. – Охренеть, Симона, смотри. «Готовим с афродизиаками»! Может, эта книжка поможет с твоим ненаглядным?

– Но-но! – возражаю я. – Плохо готовить – это феминизм. Борьба с гендерными стереотипами и все такое.

– Ничего подобного. – Клавдия бросает на меня недоверчивый взгляд. – Это вообще никак не связано.

– Девчонки, смотрите. – Лидия держит в руках книгу под названием «Целомудренная шлюха». Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не засмеяться, особенно потому что Эшли поглядывает на нас так, будто сейчас пойдет нам помогать. – Это просто идеальный подарок для меня от Миранды Кроссланд.

– Даже не произноси при мне это имя, – отворачиваясь, бурчит Клавдия. – Не хочу думать про эту стерву.

– Зато благодаря ей мы познакомились с Симоной. – Лидия закидывает руку мне на плечо. – Да пусть она снова называет меня шлюхой, если на помощь примчишься ты.

– Ах, Лидия. – Я кладу голову ей на плечо. – Я так тронута.

– Не забывай, кто ей почти дал в нос! – доносится до нас голос Клавдии. – Я бы ей заехала.

Сомнений нет, она бы ей точно заехала. Я их почти не знала, когда Миранда Кроссланд назвала Лидию шлюхой. Столовая была набита битком, но Миранда это выкрикнула очень громко. Ладно бы она назвала ее шлюхой с глазу на глаз. Но перед всеми... Даже я понимаю, что так нельзя.

Не знаю, с чего она решила, что Лидия – шлюха. Может, потому что у нее было много парней? Мне пофиг, но я видела, что сказала она это не в шутку, не по-дружески. Она это точно сказала со зла.

До сих пор не понимаю, что заставило меня встрять. Это была моя первая неделя в школе Пресвятого Сердца, и я старалась не высовываться. Но блин, просто есть вещи, которые нельзя игнорировать. Я-то знаю, каково это, когда тебя буллят. И да, то, что я послала Миранду, ничего особо не изменило – она просто назвала меня стервой, и всё, – да наплевать. Зато я нашла двух лучших подруг.

– Зачем так много разных презервативов? – спрашивает Клавдия, отвлекая меня от мыслей. Они все разложены по прозрачным пластиковым коробочкам, совсем как ириски в магазине сладостей. – Я думала, это просто разные бренды.

Я морщу лоб:

– Нафига делать презервативы со вкусом?

– Без понятия. – Лидия пожимает плечами. – Может быть, для орального секса?

– Погоди, что? – Я резко поворачиваюсь к ней. – На них должен быть презерватив и во время минета?

– Э-э, конечно. – Хоть щеки у Лидии краснеют, у нее получается одновременно изогнуть бровь и одарить меня снисходительным родительским взглядом. – Нужно всегда использовать презервативы, даже во время орального секса.

- Да ну... - Я хмурюсь. - Никогда такого не слышала. Что-то не похоже на правду.

- Серьезно. - Она качает головой. - Симона, ты меня пугаешь.

Вот этого я точно не слышала от доктора Уокер. Как она забыла мне сказать? Вот в такие моменты я мечтаю о приеме у врача без отца, чтобы он не стоял у меня над душой.

- И мне тоже нужно? - спрашиваю я, потирая шею. - Ну... если кто-то захочет сделать это мне?

- Есть такие штуки, - говорит Клавдия, размахивая рукой. - Забыла, как они называются. Ты их прикладываешь к...

- Латексные салфетки, - перебивает Лидия. - Наверняка здесь они есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Серия американских детских книг и мультипликационный сериал о приключениях трубказуба по имени Артур. - Здесь и далее примеч. пер.

Купити: https://telnovel.me/garrett_kemrin/vich-polozhitel-naya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)